

Венерин башмачок

Алина
ЗНАМЕНСКАЯ

Миром
правит любовь!

Алина Знаменская

Венерин башмачок

«АСТ»

2011

Знаменская А.

Венерин башмачок / А. Знаменская — «АСТ», 2011

ISBN 978-5-17-060440-1

Амулет племени славянских амазонок, найденный при раскопках древнего поселения... Таинственный символ, который спасает учительницу Ларису, заблудившуюся в пещерах, от верной гибели... Но способен ли этот древний знак исконно женского начала спасти Ларису теперь, когда ее семейная жизнь разрушена, муж стал чужим человеком, а сердце тянется к почти незнакомому мужчине? Ей кажется, что когда-то – неведомо когда – их уже связывала подлинная страсть...

ISBN 978-5-17-060440-1

© Знаменская А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алина Знаменская

Венерин башмачок

Глава 1

А ведь она могла и не пойти в этот поход! Могла отказаться. Взять больничный, придумать что-нибудь, как это делала раньше. В тот момент, когда она сообщила мужу про поход, все еще надеялась – вот сейчас он эгоистично вытянет губы и протянет: «Ну... а как же я?..» Лариса, конечно, сразу же согласится: действительно, как же Стасик без нее? Да он без нее никуда! Обед не разогреет, холодным съест. Прямо из кастрюли.

Лариса никогда не оставляла мужа надолго одного. А в этот раз он даже не отреагировал на ее сообщение. Поход так поход. Сказал: иди, конечно. Кто же еще пойдет? Лариса тогда поняла: все правда. Все, что ей с тайным упоением плела в магазине Нинка Зуева – все правда! У Стасика другая женщина. Дру-га-я... Совсем не такая, как Лариса. По-другому смеется, пахнет по-другому. И Стасик хочет остаться с ней, пока Лариса будет лазить по горам с учениками. Все дни, оставшиеся до похода, Лариса была начинена этими мыслями, как взрывчаткой. Мысль об измене Стасика сверлила ей мозг, жгла желудок и сдавливала сердце.

– Лариса Николаевна, а Воскобойников пил воду из реки!

– Ларис Николаевна, у нас палатка не складывается!

Лариса носилась по поляне, выполняя свои обязанности: показывала место для хвороста, отчитывала Воскобойникова, помогала устанавливать палатки. Но вся эта походная суеда раздражала ее и даже обижала. Ну почему со всеми неприятными вопросами дети обращаются именно к ней? Почему Прытковой несут показать веночек из одуванчиков или замысловатый кусок коры, похожий на крокодила? А ведь Прыткова такая же учительница, как и Лариса, только преподает не историю, а краеведение. Или лицо Светланы Тимофеевны с прописавшейся там улыбкой притягивает такие же улыбки?

Вечером накануне похода Лариса тоже пыталась улыбаться. Она смотрела в гладко выбритый затылок мужа и целилась спросить. Но спросила, конечно же, не то, что собиралась.

– Хочешь, я не пойду в этот дурацкий поход?

Стасик не повернулся, но она заметила, как спина его напряглась.

– Стареем, Лариса Николаевна?

Лариса пожала плечами:

– Прыткова помешана на краеведении, вот пусть и идет. Почему – я? И родителей сопровождающих найти не могут. Никому дети не нужны...

Стасик упорно молчал. Это было так не похоже на него!

Но Лариса зачем-то продолжала бессмысленный разговор:

– И потом... я просто хочу провести выходные с тобой.

Стасик отложил газету и включил телевизор.

– Ну и чем мы займемся в освободившийся выходной?

Его сдерживаемое раздражение стало почти осязаемым. Страх сковал Ларису.

– Мы могли бы наконец поехать в Ивановку...

– В Ивановку? Какую Ивановку?

То, что Стасик переспрашивал, задевало еще сильнее. Она почувствовала, что готова к слезам.

– Ну, в деревню, к знахарке... Я тебе рассказывала, и ты согласился. Забыл? Туда Иличкины ездили, и уже через два месяца Татьяна забеременела. Неужели ты не помнишь?

– Как-то вылетело из головы.

Стасик щелкал каналами, а Лариса поедала глазами его спину. Не может быть, чтобы он забыл. Они говорили о знахарке два дня назад. Лариса увидела Татьяну Иличкину на улице с коляской. А ведь два года назад они вместе лечились грязями в профилактории и обе – безрезультатно. Иличкины ждали ребенка девять лет, Лариса со Стасиком – уже десять. Обе пары прошли аналогичные мытарства. Десятки методов лечения, тесты, анализы.

Никакого толку. И вдруг – Татьяна Иличкина родила! Мальчика! Съездила к знахарке, та поколдовала над ней и – все!

Такое невозможно пропустить мимо ушей, если ждешь ребенка десять лет!

Лариса подошла и выключила телевизор. Круглое лицо мужа возмущенно вытянулось.

– Стасик, ты хочешь меня бросить?

Стасик вскочил и начал двигаться по комнате. Его беспорядочные движения, пятна на лице и бегающий взгляд – все это Лариса увидела так ясно!

Внутри что-то лопнуло и рассыпалось. А Стасик бегал и орал: «Уже невозможно телевизор посмотреть в своем доме! Что за дурь лезет тебе в голову! И почему я должен в свой выходной тащиться в какую-то чувашскую деревню к какой-то чокнутой тетке?! Это все твои фантазии! Еще не хватало, чтобы меня дома донимали ревностью! Паразитство!»

Стасик взорвался так легко, что Лариса догадалась: все его спокойствие, добродушие последних дней – результат невероятных усилий. Он притворялся.

Очередное открытие потрясло ее не меньше предыдущих. Устоявшаяся, казавшаяся незыблемой жизнь Ларисы на самом деле, набирая скорость, катится под откос.

А она цепляется за нее, не хочет отпустить, не может... Что она – без Стасика? Как она без него? Она не знала, как себя вести, что делать. Ей хотелось спрятаться. Она и спряталась.

В поход ушла, как в сон. А вдруг – проснется и все по-прежнему?

* * *

...А погода, нужно отдать ей должное, выдалась прекрасная. Июнь щедро дарил детям все приметы наступившего лета. В воздухе стоял одуряющий аромат цветов и свежей зелени. Место Прыткова выбрала удивительное – без каких бы то ни было признаков цивилизации, с дикой, немного даже киношной природой. Лариса начинала понимать коллегу, ежегодно таскавшую учеников в эту глухомань. Понимать-то понимала, а вот разбудить в душе необходимый первобытный кураж – не могла. И до беспричинной дикой радости было далеко. А вот Прытковой это удавалось без труда. То тут, то там раздавался ее звонкий смех. Неужели у Прытковой – никаких проблем? Да уж, наверное, таких, как у Ларисы, – точно нет. Не могла Лариса думать о муже. И о Крюковой. Сколько раз Ларисе приходилось бывать в их нотариальной конторе, болтать с этой Крюковой... Могла ли она подумать? У Крюковой был ребенок, дочь от первого брака. А у Ларисы детей не было. В тот вечер она спросила Стасика: «Это из-за ребенка?»

– При чем здесь ребенок? – проорал Стасик. – Что ты заиклилась на этом ребенке? Он тебе нужен? У тебя в классе тридцать гавриков. Тебе мало? Живут люди без детей, и прекрасно живут! Нет, надо с ума сходить! По больницам, по бабкам, по колдуньям! Дурдом на выезде! У тебя уже галлюцинации на этой почве!

– Стасик, ты ее любишь?

Неприятнее всего Ларисе было теперь вспоминать эту сцену. Именно поэтому она и лезла в голову непрестанно. Стасик плюхнулся в кресло и схватил пульт. Но на кнопку не нажал. Нервно крутил пульт в руке и пытался как-то справиться с лицом.

– Кого?

Но невинного удивления не получилось. Лицо, конечно же, что-то силилось изобразить, но плохо. На тройку с минусом.

– Крюкову.

Стасик подергал губами.

– Кто тебе сказал?

Надежды не осталось. Она сразу же пожалела о сказанном. Теперь, когда она все знает, он сразу бросит ее. Оставит одну. Совершенно одну!

Она почувствовала себя совсем маленькой. Будто она стоит у подножия горы и видит, как начинается сход лавины. Он неизбежен, неотвратим, она не в силах ни остановить стихию, ни убежать.

– Стасик, не бросай меня! Пожалуйста!

Невероятно быстро она оказалась возле кресла, в котором сидел Стасик, и вцепилась в подлокотники. Муж попытался вскочить и нечаянно толкнул ее в грудь коленями. Лариса схватила его за штаны, обняла колени. Он суетливо пытался поднять ее с пола, а она, напротив, как могла, перекрывала ему саму возможность движения. Стыдно вспоминать.

Особенно как она горячо говорила о ребенке, всхлипывая и заглядывая Стасику в глаза: «У нас обязательно будет ребенок! И он будет похож на тебя, как мы мечтали! Мы ведь десять лет вместе, Стасик! Мы ведь хорошо жили, правда? И квартиру эту мы только-только обустроили. Она нам нелегко далась. И куда же я пойду-то, если ты меня бросишь? Мне идти совсем некуда...»

И хоть потом Стасик стал утешать ее и уверять, что бросать не собирался, вечер был отравлен. Нет, не вечер – жизнь ее была отравлена. И вот с этим горьким ощущением предстояло теперь просыпаться и завтра, и послезавтра. Проводить уроки, родительские собрания, вести детей в поход... С этим ядом в крови предстояло как-то жить.

...Холмы, с четырех сторон окружавшие их импровизированный лагерь, ровно зеленели. Облака, лениво проплывавшие в сторону реки, задевали их пухлыми животами. На одном из холмов показалась пестрая россыпь бейсболок. Это Светлана Тимофеевна со своей гвардией возвращалась из «разведки».

– Лариса Николаевна! Они нам машут!

Лариса сделала ладонь козырьком и посмотрела в сторону холма. Теперь уже можно было ясно различить красно-желтую панаму Светланы Тимофеевны, ее красные шорты и оранжевую майку. Женщина взмахивала руками, подпрыгивала и в конце концов колобком стала скатываться с холма, оставив позади ватагу детей. Лариса не могла не улыбнуться. Вот кому можно позавидовать! Вот сгусток энергии, вечный двигатель и моторчик! Кого хочешь расшевелит. Не даст засохнуть. Хорошо, что из всего педколлектива в поход пошла именно Прыткова. Прыткова не из тех, кто лезет в душу. Она сосредоточена на собственной персоне и в данный момент явно чем-то взволнована. Маленькая и полная, в своих штанишках, Прыткова напоминала Карлсона.

Лариса двинулась навстречу и заметила, что Светлана Тимофеевна что-то держит в руке.

Воскобойников, увидев своих, стал бить в гонг – стучать ложкой в крышку от кастрюли.

– Не остается никаких сомнений, – начала Прыткова, когда до Ларисы осталось шагов пятнадцать, – мы остановились на месте древнего поселения! Вот полюбуемся!

Учительница протянула Ларисе глиняный обломок. Лариса покрутила его в руках. Кусок горшка либо тарелки. Такими могли пользоваться когда угодно.

– У моей бабушки в Елховке полно глиняной посуды! – вставил Воскобойников.

Лариса промолчала. Светлана Тимофеевна выхватила у Ларисы из рук черепок и перевернула его.

– Смотрите!

На выпуклой поверхности был выцарапан цветок. Царапины забились землей, но рисунок все равно просматривался.

– Ну и что? – не поняла Лариса.

– О Господи! – вскричала Светлана Тимофеевна. – Неужели вы ничего не слышали о племени Желтого Цветка?

Лариса пожала плечами. Ну да. Она слышала легенду о племени, жившем якобы по законам матриархата. Но воспринимать это всерьез? Между тем Светлана Тимофеевна почувствовала себя героем дня. Она носилась со своей черепушкой от палатки к палатке и всех призывала оценить трофей. Через полчаса в лагере царило всеобщее возбуждение. И та дисциплина, которую с самого начала пыталась установить Лариса, затрещала по швам. Каша, которую поручили сварить дежурным, пригорела, двое без спросу ушли купаться, а крайняя палатка ходила ходуном – семиклассники бесились.

– Ларочка Николаевна, вы чем-то расстроены?

У Светланы Тимофеевны было такое лицо, что Ларисе стало стыдно. Почему стыдно – сразу и не разберешь. Но она не нуждается в жалости и участии! И у нее полно причин, чтобы злиться.

– Светлана Тимофеевна, я, конечно, могу понять вашу профессиональную радость по поводу находки, – сдерживая раздражение, начала Лариса. – Но им нельзя такие вещи... без подготовки. Все должно быть по плану, иначе мы с ними не совладаем! Их двадцать, а нас двое!

– А разве не по плану? – заикнулась Прыткова, и Ларису снова кольнул стыд. Светлана Тимофеевна старше ее лет на пятнадцать. А она, Лариса, отчитывает ее как ребенка. Но ведь именно Ларису директор назначил ответственной за этот поход! Значит, она права.

– Сейчас главное – задать порядок, ритм, – не глядя на коллегу, вещала Лариса. – Чтобы дети поужинали, чтобы все собрались у костра и в деталях обсудили завтрашнее мероприятие.

– Но я хотела поделиться... – оправдывалась Прыткова, пыхтя и краснея. Она прижимала черепушку к груди пухлыми ручками и глядела на Ларису глазами ребенка.

Лариса наконец не выдержала этого взгляда – разревелась. Отошла за палатку, села на траву. Прыткова покатила за ней следом. Лариса плакала не о дисциплине и не о ритме похода. Она плакала о своем треснувшем счастье, о том, что она никак не может забеременеть, тогда как другие устали от детей.

– Ларочка, у вас что-то случилось, – догадалась Светлана Тимофеевна. – Все пройдет. Все когда-нибудь проходит. Вы такая хорошая, красивая... Вас дети любят... И поход вы организовали прекрасно...

– Да. Прекрасно! – всхлипнула Лариса. – Никто из родителей не согласился сопровождать детей! Зато если что случится – с нас три шкуры сдерут! Родителям дети нужны только до третьего класса! А в седьмом будто за ними и смотреть уже не нужно!

– Ну-ну... А как же отец Петрова? Он обещал к вечеру подъехать. Я думаю – он не подведет.

– Вы уверены? – Ларисе хотелось спорить. – Петров у меня год учится, а я его родителей ни разу не видела. И согласие этого папы на поход через записку получила.

Ларисе вдруг показалось ужасным, что с ними нет никого из родителей, что с отцом Петрова не побеседовала лично. Все теперь казалось ей зыбким и ненадежным. Вот если бы с ней в поход отправился Стасик...

Зато Светлана Тимофеевна уже успела вернуться в свое всегдашнее состояние. Она уверенно заявила, что все будет хорошо. Подскочила как мячик, поймала пролетавшего мимо Воскобойникова и приказала собирать племя на вечерний костер.

К тому времени, когда дети собрались у костра, Ларисе удалось более-менее привести себя в порядок. Она мысленно отчитала себя за слабость и проявленную невежливость к коллеге. Окинула собравшихся взглядом. Некоторые уже успели раскрасить лица под индейцев. Оля и Юля Земчихины украсили себя венками.

– Друзья мои, – начала Лариса. Гомон постепенно стих. Лица обратились к ней. – Сегодня мы по традиции покинули шумный город, чтобы на время почувствовать себя частью природы...

– Воскобойников – тираннозавр! – хихикнули в темноте. Тут же началась возня.

– Тем, кто пришел сюда впервые, – добавила Светлана Тимофеевна, – хочу напомнить: все чудеса техники, включая мобильные телефоны, мы по традиции оставляем дома. Кто забыл это сделать, прошу сдать все на хранение Ларисе Николаевне.

– А плеер?

– И плеер тоже. Не забывайте: мы с вами – первобытное племя.

По кругу пробежал ропот. Кто-то громко шлепнул комара.

– А фонарик – можно?

– Думаю, фонарик нам сегодня не понадобится – смотри, какая луна.

Над левым холмом, не слишком высоко, висела оранжевая луна, прикрытая сиреневой вуалью. Костер рвался в небо, сыпал искрами. Лариса с трудом отогнала от себя мысли о муже.

– Утром мы начнем игру. Нам нужно распределить роли.

– Чур – я шаман! – заорал Воскобойников. – Мы с Генкой – охотники!

– Мы будем костер разводить!

– Я буду готовить ритуальный танец, если только они...

– А пусть у нас будет матриархат! – заявила Оля Земчихина. – Расскажите нам подробнее! Говорят, тут жило настоящее женское племя! Это правда?

– У них мужчин совсем не было?

Вокруг костра стало шумно. Сумерки сгустились. Луна выглядела гигантской декорацией.

– Мужчины в таких племенах, конечно же, были, – уточнила Лариса. – Просто во главе рода стояла женщина. Существует несколько легенд... Но об этом лучше расскажет Светлана Тимофеевна.

Прыткова просияла. Поговорить она любит и все легенды родного края знает наизусть. И всякий раз умудряется преподнести их в новой интерпретации.

Лариса перевела дух. Как хорошо, что на полчаса можно расслабиться. Светлана Тимофеевна сейчас завладеет вниманием детей всерьез и надолго. Она это умеет.

Сначала Лариса даже не пыталась сосредоточиться на рассказе. Но и домой она свои мысли старалась не пускать. Она упорно пыталась воплотить в жизнь всем известный совет: «Наслаждайся каждой минутой своей жизни, живи сегодняшним днем». Да никогда у нее это не получалось! Сначала у них со Стасиком существовала присказка «когда у нас будет собственное жилье», и они жили завтрашним днем, отказывая себе во всем, строя кооператив. Теперь эта присказка сменила окрас, но суть осталась та же. «Когда у нас будет ребенок». А это «когда» все не наступает, и живет она, Лариса, по инерции, разучившись наслаждаться минутой и радоваться простым вещам. Не потому ли она завидует Прытковой?

Лариса наблюдала сквозь грозди искр, как блестят глаза Светланы Тимофеевны, как от нее исходит любопытство и наслаждение жизнью. Почему другие так не умеют? Почему Прыткова так выделяется из массы учителей их школы?

Лариса стала анализировать. Прыткова ни под кого не подстраивается. Чтобы к ней не могли придраться, она безукоризненно знает свой предмет и все время изучает что-то новое. Она позволяет себе одеваться так, как ей хочется, – немного по-американски. Причем в одежде предпочитает яркие цвета. А считается, что учителям так одеваться не следует. И если бы Лариса, к примеру, вырядилась в лимонный пиджак или в клетчатые брюки – у школы случился бы шок.

Прыткова каким-то образом отвоевала себе право ходить на работу в кепках, париках и оранжевых юбках.

При этом дисциплина на ее уроках сочетается с демократичностью, что не удается больше никому. Или одно, или другое. Интересно, а с мужем у нее проблемы бывают?

– Руководила этим племенем, конечно, женщина. Верховная жрица, – вдохновенно вещала Светлана Тимофеевна. Глаза ее сверкали в свете костра. А руки она прикладывала к груди, словно рассказывала что-то личное. – И все ей подчинялись беспрекословно. Каждая женщина должна была в совершенстве владеть искусством сбора трав и врачевания. Этим они отличались от других племен. Поэтому на амулетах племени принято было изображать различные цветы.

– И как мужчины на такой расклад смотрели? Неужели слушались женщин? – спросил кто-то у мальчишек.

– Еще как слушались. Если мужчина не подчинялся жене, его могли наказать.

– Как? – в унисон ахнули несколько голосов.

– Били палками.

– О-о-о...

Дети были потрясены. Да и сама Лариса незаметно для себя отвлеклась от личных мыслей и заслушалась сказками Прытковой. Хотя в подобные легенды верила слабо. Ну там где-то в прериях, амазонки – это понятно. Но тут у нас, в средней полосе?

Между тем по кругу пошел свеженайденный обломок с изображением цветка. Черепок подносили к свету, разглядывали, трогали.

– Племя настолько стремилось изолировать себя от остального мира, что была придумана система подземных ходов, пещер, лабиринтов. Спрятанное за холмами, окруженное густым лесом поселение становилось недоступным для врагов и любого недоброго глаза.

– Лес не такой уж и густой.

– Это сейчас не такой густой. А раньше здесь были непролазные чащобы! – уверяла учительница.

– А мы на холме ракушки нашли. Там раньше море было?

Дети зашумели, каждый хотел высказаться. Легенда о необычном племени никого не оставила равнодушным.

– А они с кем-нибудь воевали?

– Не сомневайся, они умели постоять за себя, – быстро ответила Прыткова. – Если верить легенде, женщины в племени отличались статностью и красотой.

– А как же любовь? – раздался из темноты девчачий голосок. – Им не разрешалось влюбляться?

– И любовь случалась, – отозвалась Светлана Тимофеевна. – Однажды дочь верховной жрицы, молодая красавица, собирала травы для лечебного снадобья. В лесу она увидела незнакомого юношу, который охотился. Он был ловок и красив. Как гласит легенда, они полюбили друг друга с первого взгляда. И стали встречаться тайно. Влюбленные решили убежать, поскольку знали, что верховная жрица непустит дочь в другое племя. Был назначен день побега. Но парочку выследили. Юношу поймали и бросили в пещеру.

– На съедение змеям, – прокомментировал Воскобойников.

Со всех сторон на него зашикали.

– А он мог убежать? Что с ним сделали?

– Юношу ожидала жестокая смерть. Он не знал тайных ходов и не мог выбраться из пещеры. Она ведь вся состояла из путаных лабиринтов. И если пленник пускался в бегство – его ждала неминуемая гибель в одном из тупиков лабиринта. По преданию, в коридорах лабиринта...

– ...навалом мужских скелетов! – вякнул Воскобойников и хохотнул. Последовал звук затрешины, не обошлось без короткой потасовки. Впрочем, на дерущихся тут же зашикали – всем хотелось дослушать историю.

– Это всего лишь легенда, – поспешила напомнить Лариса. Ну не нравится ей, когда Прыткова вот так увлекается. Она, похоже, сама верит в то, что выдумывает. Ну да, существует легенда. Но легенда и есть легенда. Наполовину выдумка. Версия. А некоторые впечатлительные дети воспримут как быль. Ведь они тут одни, ночью. А если напугаются? Да ей и самой жутковато от этих разговоров о скелетах.

– Я предлагаю подробнее обсудить детали завтрашнего дня, – предложила Лариса. – Давайте выберем вождя племени?

– Нет!

– Подождите, Лариса Николаевна!

– Светлана Тимофеевна, а что было дальше?

– А что стало с девушкой?

Дети зашумели и воспротивились так дружно, что Ларисе ничего не оставалось, кроме как умолкнуть и приготовиться слушать басни коллеги.

– Поскольку чужак посмел покуситься на дочь верховной жрицы, пощады он мог не ждать, – вздохнула Светлана Тимофеевна. – Но...

«Но» повисло в воздухе. Стало отчетливо слышно, как трещат сучья в костре и звенят комары.

– К сожалению, дети, никто не знает, чем закончилась эта история. У легенды множество версий.

По кругу прокатился вздох разочарования. А потом враз все заговорили, загалдели. Шум нарастал. Этого следовало ожидать! В том, что злосчастная легенда теперь не даст детям уснуть, не стоило и сомневаться. Любовь, скелеты, лабиринты – любимые темы подростков. Их хлебом не корми, дай поиграть в ужастики, привидения и вампиров.

В Ларисе пеной поднималось подавленное было раздражение. Прыткова хочет легкой популярности, а вот попробуй теперь утихомирить эту массу, расфасуй по палаткам и наутро организуй интересное мероприятие! Это, конечно, краеведиха предоставит ей, Ларисе.

Спасибо. Лариса будет бегать, собирать, пересчитывать, а Светлана Тимофеевна – наслаждаться жизнью. Выберет себе роль священного божества и будет сидеть весь день на пригорке, принимать дары и ждать, когда племя в полном составе приползет к ее ногам молить о дожде. Это уж как пить дать.

– Ларочка Николаевна, – вклинилась в ее мысли Прыткова, едва Лариса отдала распоряжения насчет ночлега. – Если ребята еще не заняли роль священного божества, то я могла бы...

Если бы Лариса была в состоянии смеяться! Она непременно расхохоталась бы коллеге в лицо. Но ей было не до смеха. В мозгу гвоздем торчал Стас. Стас любит другую женщину. А она, Лариса, неинтересна ему больше. Она никому не интересна. Даже детям. Даже самой себе...

– Конечно, конечно, – поспешно ответила она Прытковой. – Светлана Тимофеевна, пересчитайте, пожалуйста, мальчиков. А я загляну к девочкам.

Отправив Прыткову, Лариса задержалась у костра. Она пошевелила палкой угли, подбросила хворост. Почему, ну почему ей так не везет? Она дожила до того, что в собственном муже способна вызвать только жалость. Где она совершила ошибку? Когда? Что теперь делать? Как жить дальше? И стоит ли жить...

То ли от нахлынувших чувств, то ли от искр зашипало в глазах. Сейчас она так любила Стасика! Мысль о том, что именно в эту минуту он может обнимать другую, приводила ее в ужас. Вот уже почти месяц она могла быть относительно спокойной, лишь когда видела его перед собой. Сейчас же, оставшись в одиночестве у костра, Лариса поняла, на какую пытку обрекла себя, согласившись на этот поход.

– Ларочка Николаевна! ЧП!

Прыткова колобком катилась к костру. Лариса с трудом отключилась от личных дум.

– Что стряслось?

– Воскобойников и Петров пропали!

– Как пропали? Что вы такое говорите? Может, они, извините, пописать отошли?

Но тревога уже охватила Ларису с головы до пят. Она метнулась к палатке мальчиков.

Через полчаса лагерь был поднят по тревоге. Сонные дети выползли к костру.

– Ребята, постарайтесь вспомнить, о чем говорили Воскобойников с Петровым перед отбоем, – попросила Лариса.

– Это очень важно! – воскликнула Прыткова.

Со сна дети ничего не могли понять.

– Ди-ма! Са-ша! – надрывалась Лариса в хоре с двумя десятками голосов. В ответ – тишина.

– Все обсуждали легенду, – наконец буркнул кто-то. – И они обсуждали.

– Что именно говорили? – допытывалась Лариса. – Ну, кто слышал?

– Я слышала. – Из темноты вышла Оля Земчихина. – Они спорили о том, кто не побоится пойти в пещеру. Ночью.

Повисло молчание.

– Я же не знала, что они и вправду пойдут... Придурки! – Оля Земчихина спряталась за чью-то спину.

Все молчали и смотрели на Ларису. И Прыткова смотрела на нее во все глаза.

– Так. Все по палаткам! – Лариса не узнала свой собственный голос, прозвучавший будто со стороны. – Чтобы ни одна душа даже носа не высывала. Светлана Тимофеевна, где у нас фонарь?

– Ларочка... – Прыткова подошла к ней вплотную. – Мы пойдем туда вместе! Это моя вина, и я...

– Нет! – отрезала Лариса. И сумела выдавить из себя улыбку. – Кто-то должен остаться с детьми. А я этих шалопаев сейчас приведу. Скорее всего они не успели дойти до пещеры. Курят где-нибудь в кустах.

Лариса рассовала по карманам спички и фонарик. Шагнула прочь от костра. Ночь с жадной готовностью поглотила ее силуэт.

Глава 2

У Оксаны Киреевой день был расписан по минутам. Основная часть дня – работа в магазине «Все для дома», потом пробег по продуктовым, затем забег в детсад за Юлькой, потом готовка ужина, уборка... И так, вприпрыжку, до самого прихода со смены Игоря. Оксане нравилась такая жизнь. Ну не понимала она тех женщин, что любят поныть – дескать, до чего однообразна и скучна эта бытовая рутина. Мол, как подумаешь, на что тратится жизнь... А если представить, что где-то там без нас простаивают теплые страны... Нет, нет и нет! Оксана как раз ощущала жизнь остро и искренне наслаждалась тем, что имела. А имела она для своих двадцати девяти довольно немало. Прежде всего – семью. Прекрасного, любящего мужа. Умницу дочку. Комнату в семейном общежитии. И это еще не все! Совсем недавно перед семьей Киреевых замаячила перспектива ипотеки! Наконец-то Игоря повысили в должности, он стал получать больше на две тысячи, и им разрешат оформить долгосрочный кредит на квартиру.

– Ля-ля-ля... – припевала Оксана, кромсая укроп и петрушку, вальсируя к холодильнику за подсолнечным маслом. Фартук с петухами, прихватки в тон, занавески – сама шила. Вальсируя и нарезая салат, Оксана не забывала разок-другой глянуть в зеркало. И, глянув, оставалась довольна. Фигура ладная, крепкая, с формами. Не худая и не толстая. И мини-юбку не стыдно надеть, и брюки не позорно. Грудь объемная, не как у некоторых. Оксана прекрасно осознает свои достоинства. И никогда не ленится их подчеркнуть. Да и разве трудно – встать пораньше на полчаса, чтобы протереть лицо льдом с ромашкой, накраситься и уложить волосы? Нет, не трудно. Это вошло в привычку. Хорошо нанесенный макияж сохраняется до самого вечера. И Игорь никогда не видит ее растрепанной или ненакрашенной. И волосы она носит до плеч, как любит Игорь. Не поддавалась на соблазн сделать модную стрижку, как все. Вообще, между нами девочками, Оксана подозревала у себя наличие самого настоящего таланта. Таланта создания счастья. То, что счастье не падает с неба, она поняла давно. Еще в детстве. Счастье достигается трудом. Она сделала этот вывод, наблюдая жизнь своих родителей. Что касается семейной жизни, Оксанина мать оказалась полной бездарностью. У нее никогда не хватало времени следить за собой, и потому ее халаты очень быстро переходили в разряд тряпок для мытья полов. Вместо того чтобы научиться сносно готовить, мать периодически устраивала скандалы по поводу неуемных аппетитов домочадцев. В конце концов Оксана уехала из дома довольно далеко и твердо решила строить собственную семью по собственному методу.

...Когда Оксана сунула смазанную майонезом курицу в духовку, затренькал телефон. Звонила свекровь:

– Юленьку я забрала, поведу в парк. Погода хорошая...

«Веди, веди, – усмехнулась про себя Оксана, – растряси жирок-то». А вслух пропела:

– Да, мама. Конечно, мама. И ужинать приходите...

Оксана окинула придирчивым взглядом свою крошечную территорию. Маленькая, 3 на 2, кухня плавно перетекала в единственную комнату с большим окном. И на этой территории удалось довольно компактно разместить всю мебель. Мягкий уголок, Юлькина кровать, мебельная стенка с телевизором и музыкальным центром. Везде порядок. Когда королевство маленькое, его и в порядке содержать нетрудно. Да, так считают не все. Но у Оксаны свои секреты.

Улыбаясь собственным мыслям, Оксана включила миксер. Через полминуты был готов кляр. Оксана достала из холодильника тарелку с мелконарезанным филе судака. Вот как, например, секрет этой рыбы в кляре. У Ларисы, Оксаниной подруги, такой никогда не получается. А у Оксаны – объединение! И кляр мягкий, и рыба в нем – просто пальчики оближешь. А секрет прост – Оксана свой кляр замешивает на пиве. Пара минут – и кухню заполнит аппетитный запах судака в кляре. Любимое блюдо Оксаниного мужа.

Сейчас придет Игорь, обязательно притащит что-нибудь вкусенькое на десерт. Ну там виноград или груши, а может – торт. Сегодня на заводе аванс. Муж у нее золото, не забывает их с Юляшкой баловать.

А свекровь – по графику, в день зарплаты и аванса, обязательно Юльку из сада забирает. Чтобы на ужин напроситься. Как выражается сама свекровь, любит она «сластничать», грешница.

Мирное течение мыслей прервал стук в дверь. Даже не стук, а толчок. Здесь, в малосемейке, соседи не церемонятся, могут и без стука ввалиться.

Дверь робко скрипнула, и в проеме показался острый нос соседки Нинки.

– Оксан, у тебя стакана молока не найдется?

А сама воздух носом прощупывает. И курица, и рыба в кляре – мимо Нинки ничто не проскользнуло.

– Сейчас налью.

Оксана метнулась к холодильнику. В другое время она была бы совсем не прочь поболтать с соседкой. Но только не сейчас. С минуты на минуту должен вернуться Игорь. А мужчины не любят, когда их жены подолгу болтают с соседками. И Игорь не исключение.

– У вас вечеринка намечается? – Нинка окинула комнату шустрым взглядом.

Оксана быстрехонько расшифровала этот взгляд: если импровизированная пирушка, то и соседям не грех заглянуть на огонек. Нинка любила халяву.

– Нет, Нинок, просто Игоря жду. Ты ведь знаешь моего – сегодня наверняка пожелает устроить маленький семейный сабантуй. Свекровь обещала нагреть...

– С проверкой, – понимающе подхватила Нинка, поднося стакан с молоком к своему острому носу. Проверяла, зараза, не кислое ли ей Оксана подсунула. – Ну, твой – образцово-показательный муж. Это не открытие, – запела Нинка. – Я тебе по-хорошему завидую. Мой притащится поздно, это уж точно. Я его и не жду. И придет никакой. Аванс для нас – святое. Мы – расслабляемся.

Оксана понимающе улыбалась. Две трети населения малосемейки не нуждались в таких поводах для расслабления, как аванс или получка. Домой приходят на рогах постоянно. Слава Богу, это не относится к Игорю.

– Подожди, покажу, что он Юляшке из командировки привез. – Оксана открыла шкаф. – Смотри! – вытащила обернутое тонким целлофаном платье.

– Какая прелесть! – Нинка всплеснула руками. – Только не говори мне, что он сам выбирал!

Оксана удовлетворенно кивнула:

– Сам, а то кто же. Он и мне запросто может выбрать что-нибудь сногшибательное. Ему вкуса не занимать.

Оксана заметила в глазах соседки неприкрытую зависть. Соседка, сама не зная того, тронула в Оксане одну из тайных струн.

– Он мне к Восьмому марта пеньюар выбрал – полный отпад! Пару раз даже бюстики покупал. Прикинь! – затараторила Оксана.

– Обалдеть! – подпела Нинка. – Да твоего Игоря нужно в музей за деньги показывать. Таких больше нет.

– И не говори! – разошлась Оксана. – Свекровь от зависти заходится. Придет в гости и ищет, к чему придраться, чтобы меня в неприглядном свете перед Игорем выставить.

– Ревнует.

– Еще бы! Он нас с Юлькой на руках таскает. А они с дедом целыми днями лаются.

– Мы с Коляном к старости тоже такими же станем, – засмеялась Нинка и, подхватив молоко, попятилась к выходу. Восхвалять достоинства чужого мужа не так интересно, как сплетничать о нем.

Проводив соседку, Оксана убрала Юлькино платье на место и вернулась на кухню. Разговор с Нинкой взвинтил ее, как хорошая доза алкоголя. Что ж, она любит, когда ей завидуют. Пусть завидуют. Она никому своим счастьем не обязана.

Все, чем она владеет, – только ее заслуга. Она в семье так поставила, что Игорь с нее пылинки сдувает. Ну и она, само собой, – все для него. Нинка теперь ночь спать не будет от зависти. А ей-то кто мешает так жить? Сама виновата. Ходит вечно, как чувырла, в бигуди и драном халате. Жрет как лошадь, по телефону болтает часами, прямо при Кольке.

Сама, короче, свое счастье на корню удавила.

Так, маленьким язычком поругивая соседку, Оксана задела взглядом настенные часы и удивилась: Игорь полчаса назад должен был прийти. И это если учесть магазины. Может, он встретил свекровь? И Юлька потащила их на качели? Вполне возможно. Тогда они сейчас нагрянут все вместе. Можно накрывать на стол.

Оксана отодвинула кухонный стол от стены, расставила табуретки и потянулась в шкафчик за тарелками. Она услышала голос дочери. Он звенел в конце длинного общего коридора. Голосу Юльки вторило бухтение свекрови.

– А вот и мы пришли... – запела свекровь, внося в крошечную прихожую запах «Красной Москвы». Где она достает сегодня эти раритетные духи – для Оксаны загадка.

Юлька затараторила с порога, протягивая желтые одуванчики:

– Мама, там цветочки и бабочки уже. Бабуля меня катала. Я два раза упала, и бабуля тоже. А ты зачем на табуретку залезла? Выступаешь?

– А Игорь разве не с вами? – продралась сквозь трель дочери Оксана.

– Он до сих пор не пришел с работы?!

Свекровь сделала такое лицо, что Оксане стало не по себе. Именно в эту минуту ее посетило незнакомое чувство. Оксана догадалась, что именно это чувство называется тревогой. Но она отогнала его, спешно заполняя время суетой. Стала умыть Юльку, переодевать ее и расспрашивать. Свекровь активно участвовала в беседе. Потом начался сериал и свекровь временно выпала из реального мира. Юлька тоже уставилась в телевизор, но продержалась лишь до первой рекламной паузы. Проговорив с телевизором все рекламные тексты, Юлька вытащила ящик с игрушками. Оксана позвала ужинать. В конце концов – может, Игоря попросили остаться на вторую смену? В ту минуту, когда Оксана извлекла из духовки курицу, дверь с грохотом отворилась и извергла хозяина. То, что явился именно Игорь, присутствующие поняли не сразу. По крайней мере не в первую секунду – настолько он был неузнаваем.

Волосы, обычно тщательно зачесанные назад, торчали в разные стороны и свисали со лба. Из-под распахнутой куртки топорщился расстегнутый пиджак. Половина пуговиц на рубашке отсутствовала. Шнурки на ботинках были развязаны.

И Оксана, и свекровь онемели. Оксана, после того как первый шок схлынул и она убедилась, что перед ней все же ее законный супруг Игорь Киреев, решила, что его зверски избили. И кинулась оказывать помощь. Но ее остановил его взгляд. Взгляд был недобрый. Чужой. И Оксана, натолкнувшись на этот взгляд, – отступила.

– Сы-нок... – пропела свекровь и уронила вилку.

– Все семейство в сборе! – проговорил хозяин, продвигаясь в глубь комнаты и волоча за собой шнурки.

– Сынок, а обувь-то? – заикнулась свекровь. И – зря. В ту же секунду ботинок взлетел вверх и, чудом не задев люстру, упал рядом с телевизором. Игорь недобро засмеялся.

– А вот и жена моя... – Взгляд Игоря остановился на пнем застывшей Оксане. – Женушка моя... верная...

Серые глаза Игоря мутно блестели. Спина Оксаны покрылась гусиной кожей. Она настолько растерялась, что не смогла выдать ни слова. Да и чувствовала она интуитивно, что в этой ситуации лучше ничего не говорить. Она только глазами держала обезображенное эмо-

циями незнакомое лицо своего мужа. Свекровь же подскочила, стала суетиться вокруг сына, пытаясь снять ботинок.

– Уйди, мать, – неожиданно четко произнес Игорь. – Нам тут между собой потолковать надо.

– Вот и потолкуете... – не дошло до свекрови. Она потянулась к Игоревой куртке, но была отодвинута в угол.

Игорь шагнул к столу, наступил на плюшевого зайца. Внутри мягкой игрушки зародилась и угасла электронная музыка. В ходе вечернего события Оксана напрочь забыла о Юльке. Девочка же, узрев беду своей игрушки, кинулась спасать. Запуталась у отца в ногах и, рискуя быть раздавленной родителем, стала выдирать из-под ботинка плюшевое сокровище. Оксана подхватила дочь. Та немедленно заорала, поскольку зайца достать не удалось. Игорь уставился на орущую Юльку так, будто впервые ее видел. Оксана попыталась обойти стол со свободной стороны, но Игорь угадал ее маневр и двинул стол бедром. Дорога была перекрыта с грохотом.

– Сынок! Ну выпил лишнего. Зачем же озоровать? – увещевала свекровь.

Оксана не спускала с мужа широко распахнутых глаз. Юлька заходилась криком. Свекрови чудом удалось стащить с сына куртку, и теперь она металась с ней по комнате, как курица по огороду.

– Мама! Возьмите Юлю и идите к себе! – наконец сообразила Оксана.

Свекровь, красная и взмокшая, заохала и запричитала. Оксане пришлось опустить дочь под стол и толкнуть в сторону бабки. Юлька ударилась о ножку стола и разоралась пуще прежнего.

И посреди этого дрогнувшего Оксаниного королевства стоял ее муж Игорь с перекошенным, злым лицом, в распахнутой рубашке и одном ботинке. Оксану колотила дрожь. Она попыталась взять мужа за руки. Он будто только этого и ждал – с силой отбросил ее руки и, тяжело дыша, уставился на жену.

Свекровь торопливо и суетно собирала орущую Юльку. Наконец дверь за ними закрылась, и Юлькин визг огласил коридор и вонзился в Оксанино сердце. Она почему-то подумала, что сегодняшний день именно так отпечатается в памяти – перекошенное лицо мужа и визг дочери.

– Стол собрала? – заметил Игорь издевательским тоном. – Мужа с работы ждала?

– Ждала, – подтвердила Оксана, понемногу оправляясь от первого потрясения и пытаясь взять ситуацию под контроль. По тону она могла предположить, что кто-то сильно подпортил Игорю настроение. Скорее всего тот, с кем пил. Или сначала произошел неприятный разговор, а уж потом Игорь пошел и напился.

– Вот курицу запекла, как ты любишь, – сообщила Оксана примирительным тоном. – И рыбу в кляре.

Игорь покачал головой, и прядь на лбу нелепо заскакала.

– Сядь, поешь. – Оксана подвинула тарелку.

Игорь плюхнулся на стул и подвинул к себе вазу с салатом. Он стал есть салат ложкой, прямо из хрустальной вазы. Он запихивал в рот рыбу. Судак крошился, и крошки падали в вазу с салатом. Впервые в жизни Оксане довелось созерцать подобную картину. Она поморщилась и решила улизнуть на кухню. Но и там ее настиг злой и требовательный голос мужа:

– Оксана! Иди сюда!

Она хотела послать его куда подальше, но что-то внутри вовремя подсказало ей, что этого делать не следует. Она вернулась в комнату и села в кресло.

– Я тебя слушаю.

– Она меня слушает! – попытался передразнить Игорь, помогая себе вилок. – Прямо не жена, а ангел!

– Ты сдурел? – не выдержала Оксана. – Ты сам на себя не похож! Что случилось с тобой?

– Это не со мной случилось. Со мной-то как раз все в полном порядке. А вот тебя я, похоже, совсем не знаю!

– Я?! Меня не знаешь?! – подскочила Оксана. – Чем я плоха стала? Может, хозяйка плохая? Может, кормлю тебя плохо? Плохо смотрю за ребенком?

От обиды у Оксаны срывался голос. В глазах дрожали слезы. С кем он решил ее сравнить? В чем она провинилась? Кто посмел очернить ее перед мужем настолько, что тот будто с ума сошел?!

– Может, и мужа любишь? – в тон ей ехидно вставил Игорь. Глаза его в красных прожилках были неузнаваемо чужие.

– Да неужто не люблю?! – взвилась Оксана. – Ты забыл уже, как со сломанной ногой в больнице лежал? А я тогда...

– А ты тогда к хахалю своему бегала, да, Ксюш?

– Чего?!

Оксана поперхнулась собственной слюной. Остолбенев, она взирала на Игоря. Кровь бросилась ей в голову.

– А может, ты и дочь от меня родила, а, примерная жена?

Игорь вертел вилку в пальцах, и вдруг Оксана заметила, что он сгибает эту вилку, как подкову.

– Ч-что-о? – задыхнулась Оксана и почувствовала, как лицо ее покрылось горячими пятнами.

Игорь исподлобья наблюдал за ней. Его злой незнакомый взгляд, его взбитые волосы, пьяное дыхание неожиданно вызвали в Оксане волну возмущения и ужаса. Не понимая, что делает, она схватила с дивана подушку и запустила ею в мужа.

– Идиот! Подумай, что ты говоришь!

– Да, идиот! – взревел Игорь и вскочил. – Из меня жена идиота сделала! Надо мной люди смеются!

Оксана ретировалась в прихожую, и вовремя. О дверной косяк ударилась брошенная ей вслед табуретка. Оксана взвизгнула и прижалась к двери.

– Кто тебе наплел такую дурь?! – крикнула она, одной рукой открывая замок, другой напаривая туфли. – Плюнь тому в лицо!

– Это ты мне в лицо плюнула, гадина! – заорал Игорь – А я вам с Юлькой в задницы дул!

Оксана чувствовала, что Игорь балансирует на грани между невероятной злостью и слезами. В таком состоянии мужик способен на все. Она никогда не видела мужа таким, но знала, что свекор, отец Игоря, бывало, свою супругу и поколачивал.

Она распахнула дверь, выскользнула в коридор и тут же захлопнула дверь за собой. Пока он справится с замком, она успеет выбежать на улицу. Сердце бешено колотилось. Когда она достигла конца коридора, звуки за дверью ее квартиры не оставляли сомнений: Игорь решил высадить дверь. Оксана не соображала, что делает, не знала, куда бежит. Она боялась оглянуться. В ту минуту ее не удивило бы, если бы, оглянувшись, на месте малосемейки она вдруг обнаружила одни развалины. Ощущение, что жизнь рухнула, прочно поселилось в ее душе в тот день.

* * *

– Саша! Дима!

У Ларисы уже не осталось сил кричать. Но даже ее шепот, казалось, как по волшебству, превращался в грохот. Пещера отзывалась многократным зловещим перешептыванием:

– Ашша... ашша... ашша... Има... има... има...

Сколько уже она пробиралась по серым извилистым коридорам, освещая себе путь карманным фонариком? Она потеряла ощущение времени. Сначала, когда она только нашла заросший корнями вход в пещеру, ее охватило чувство брезгливости. В темноте она могла только предполагать, до чего ей придется дотрагиваться, пробираясь хоть на несколько шагов вглубь. И еще она злилась. О, как она злилась на мальчишек, которые вечно ни о ком, кроме себя, не думают! Да они даже о себе не думают! Им приключения нужны, острые ощущения им подавай, а кто-то должен это расхлебывать. Учитель всегда за все отвечает. «Это за мою-то зарплату!»

Лариса раздраженно двинула локтем, убирая назойливо цепляющийся за куртку корень. Ох и задаст же она им, как только отыщет!

– Саша! Дима!

А может, ребята не заглядывали в пещеру? Может, действительно курят где-нибудь в зарослях дикого боярышника, а на ее зов нарочно не реагируют?

Своды пещеры то уходили ввысь, свисая причудливыми сосульками, то снижались, угрожая надвигаясь. Словно грозя заживо запереть в своем склепе. Постепенно все чувства потеснились, уступая место страху. Страх сковал все тело так, что только отчаянные приказы, которые Лариса то и дело ему посылала, заставляли двигаться. Скользкие холодные стены. Где-то капает вода. А может быть, именно в таких местах и живут змеи? Они лежат клубками в углах затейливых лабиринтов, и в темноте вполне вероятно наступить... Спина Ларисы покрылась липким потом. Нет. Не надо думать об этом. Она должна найти детей. Если в следующем коридоре она не встретит никакого подтверждения, что дети здесь побывали, то тогда разрешит себе повернуть назад. Только тогда. Но не раньше. Шаг. Еще шаг. Вперед, по причудливому коридору, созданному самой матушкой-природой. Каменные выступы, щели. Лариса остановилась, пошарила фонариком вокруг, пытаясь осмотреть новую территорию.

Неожиданно у нее возникло ощущение чужого присутствия. По спине побежали мурашки. Она развернулась, луч фонарика заторопился по сводам. Туда-сюда. Родившийся из ниоткуда ужас заставил Ларису схватить с земли камень и запустить им в стену. Стена взорвалась в клочья хлопающих крыльев. Море летучих мышей! Лариса присела на корточки и закрыла голову руками. Фонарик усталился вниз и высветил круглое пятно прямо возле ее кроссовок. Спиной Лариса еще некоторое время ждала цепких, острых когтей. Впрочем, летучие мыши не догадались спуститься к ней на спину. Наконец Лариса решилась открыть глаза. Она смотрела в высвеченный фонариком круг и не двигалась. Первое, что она увидела в кругу, была самая что ни на есть современная кепка – бейсболка защитного цвета. Лариса схватила ее с жадностью и принялась рассматривать, наводя фонарик с разных сторон. Кепка не выглядела старой. На ней не было ни земли, ни глины, ни плесени. Никакого сомнения, что ее оставили здесь совсем недавно! Лариса даже понюхала бейсболку. Запах дыма. Она была готова поклясться, что именно в такой кепке Воскобойников сидел вечером у костра. Они были здесь! Она на правильном пути! Но почему тогда не отзываются? Почему не зовут на помощь, не стучат, не кричат?! Холодный ужас кольнул Ларису в живот. Пещеры, о которых слагались легенды. Пещеры, куда не раз снаряжались экспедиции. О коварстве этого подземелья не раз писали в газетах, даже по телевизору как-то рассказывали. Когда она была студенткой истфака, разные гипотезы слышала относительно пещер. Откуда они произошли, никто толком не знал, обсуждалось множество версий. Но вот что в свое время в этих норах укрывал войско знаменитый местный разбойник, их профессор поговаривал. Слышала Лариса и о том, что здесь, возможно, разбойники прятали свои клады. Так вот, немало кладоискателей сгинули в этой пещере. Статистика только колебалась в цифрах. Лариса когда-то читала, что коридоры пещеры то сужаются, то расширяются. Переходят в гроты и открывают путь подземной реке. И что они таят в себе коварные каменные карманы, ведущие в тупики. И даже скрывают колодцы-ловушки, попав в которые не выбраться назад. Но одно дело – читать об

этом, сидя дома на диване, другое – оказаться здесь, под землей, в совершенном одиночестве. И нужно было Прытковой вешать детям на уши очередную байку насчет пещеры! Как будто она не знает, насколько непредсказуемы подростки!

– Дима! Саша! – вновь стала звать Лариса, потрясая бейсболкой. Кепка была единственным доказательством, что дети где-то рядом. Коридор сужался, превращаясь в узкую щель. Неужели пацаны могли зайти так далеко? Зачем? Перспектива протискиваться по скользкому, холодному коридору приводила Ларису в ужас. Оказавшись вплотную к стянувшемуся до узкого лаза проходу, она заметила, что судорожно сжимает одной рукой бейсболку Димки Воскобойникова, другой – до боли в пальцах – фонарик. Обе руки затекли. Прислонившись к стене, Лариса принялась растирать их. Неужели ей придется лезть в эту щель? Одна мысль об этом леденила конечности. Но она не может вернуться без детей. Не может! А вдруг они угодили в один из каменных колодцев? Вдруг они погибли?..

Чувства Ларисы кипели. Они претерпевали настоящую химическую реакцию, то и дело изменяясь, приобретая новую глубину и окраску отчаяния. Она не знала, что делать. Больше всего на свете в эту минуту ей был необходим знак, намек – в каком направлении двигаться. Остальное не имело значения. Страх змей, летучих мышей и сырого подземелья видоизменился с той секунды, когда к ней в руки попала бейсболка.

– Ну что-нибудь... что-нибудь, – прошептала она, прижав к губам козырек бейсболки. И мгновение спустя до нее донесся звук. Она застыла. Она вся превратилась в слух. Даже кожей. Даже волосами. Но звук не повторился. Застыв, как изваяние, она сидела долго, очень долго. Но пещера словно играла с ней. Она спрятала все звуки. Даже вода перестала капать. Тишина давила и оглушала. Что же это было? Ведь было же! Или у нее начались слуховые галлюцинации?

Глава 3

В загородном доме Инны Викторовны Кравцовой стояла непривычная тишина. Когда хозяйка, нагруженная сумками с продуктами, вошла в светлый холл, тишина просто сдавила ей голову. Она опустила сумки на пол и постояла потрясенная. Надо же! Тишина, о которой мечтала и которую жаждала, вдруг настигла ее и испугала! А ведь как, бывало, раздражала Андрюшкина привычка включить одновременно телевизор и компьютер и сидеть в этом электронном аду с выражением полного блаженства на лице. А Лизина манера заниматься шейпингом у себя в комнате под зверские ритмы музыкального центра? Иногда Инна Викторовна не выдерживала и врывается к дочери с перекошенным от гнева лицом: «Лизка! Снова в столовой с люстры висюльки падают от твоих прыжков! Что за моду взяла скакать на втором этаже? Тренажерного зала тебе мало?»

Господи! Думать о хрустальных висюльках! Не ценить тех мгновений, когда дети рядом с тобой! Когда они нуждаются в тебе!

Инна Викторовна почувствовала, что готова заплакать. Устроить истерику на ровном месте! Этого только не хватало...

Она подхватила сумки и пулей вылетела на кухню. Рассовала по шкафчикам коробочки и баночки. Схватила оба полотенца и помчалась к стиральной машине. Наскрести тряпок для стирки – спасение. Ровный гул стиральной машины всегда действует на нее благотворно. Вроде кто-то живой дома. Одновременно со звуком стиральной машины раздалась мелодия телефона. Инна Викторовна поспешила снять трубку.

Сначала она ничего не поняла. Звонила какая-то Оксана. Пациентка? Ах, подруга Ларочки! Нет, Ларочки здесь нет. И вчера не было. Никто не подходит к телефону? Ну не знаю...

Никогда прежде Инна Викторовна не стала бы вникать в суть звонков такого рода. Она – человек занятой и разыскивать племянницу Ларису ей некогда и незачем. Лариса сама приходит к тетке, когда захочет. Но сегодня Инна Викторовна была настроена совсем иначе. Тем более что в голосе Ларисиной приятельницы Оксаны что-то такое мелькнуло, что зацепило Инну Викторовну. Ноты откровенного отчаяния говорили об остром душевном одиночестве. И отклик в душе Инны эти ноты нашли мгновенно.

– Оксана! Да вы, похоже, плачете? – догадалась Инна Викторовна. – Боже мой, не надо плакать! Мы вместе найдем Ларочку! Где вы сейчас находитесь?

На том конце провода что-то булькнуло и хлюпнуло. Инна Викторовна воодушевленно продолжила:

– Садитесь на любую маршрутку, которая идет до остановки «Дачная». Мой дом № 15. Мы решим вашу проблему, дружок. Я вас жду.

Инна Викторовна вернулась на кухню. Теперь уже с признаками некоторого воодушевления. Она принялась за сооружение ужина на скорую руку. Через полчаса она поняла, что с нетерпением ждет приезда этой совершенно незнакомой Оксаны, чтобы отвлечься от собственных мыслей и проблем и переключиться на чужие. Когда раздался звонок в холле, Инна Викторовна почти побежала к двери, чего давно не делала.

Перед ней предстала молодая женщина, которой еще можно было сойти за девушку. В силу своей профессии и жизненного опыта Инна Викторовна возраст определяла безошибочно. Она могла, например, уточнить: человек выглядит на тридцать, но ему не меньше сорока. Вот и тут она определила, что молодая женщина хорошо следит за собой, но наверняка приближается к рубежу тридцатилетия. Ветровка на госте была распахнута, обе золотые цепочки сбились набок. Но больше всего о ее эмоциональном состоянии кричал прикрытый

тональным кремом синяк. Он сразу бросился Инне Викторовне в глаза, хотя она и сделала вид, что ничего такого не заметила.

– Вы ведь тетя Ларисы, я не ошиблась? Мне так неудобно отрывать вас от дел...

Инна Викторовна молча взяла гостью за обе руки и повела в дом.

– И совсем вы меня не оторвали от дел, дорогая. У меня абсолютно свободный вечер, я рада познакомиться с Ларочкиной подругой. Мне бывает стыдно, что я мало интересуюсь жизнью племянницы. Все некогда. Вот, например, сегодня. Когда вы позвонили, у меня абсолютно вылетело из головы, что у Ларочки – поход.

– Поход?..

Гостья буквально обмякла при этом известии. Будто у нее окончательно выбили почву из-под ног. А ведь она и так едва стоит на ногах. У бедняги стряслось что-то серьезное. Инна Викторовна усадила девушку в кресло и, не переставая щебетать о том о сем, притащила в гостиную закуску, кофейный ликер и фрукты. Девушка смотрела прямо перед собой, часто шмыгала носом и хрустела пальцами. Инна Викторовна знала – пальцы дрожат, с ними трудно совладать. Это бывает при сильном эмоциональном стрессе.

Инна Викторовна подвинула гостье рюмку с ликером и весело объявила:

– За знакомство! Кстати, меня зовут Инна Викторовна. А вас?

– Оксана.

– Будем знакомы, Оксана.

Выпили. Инна Викторовна щебетала, а Оксана еще некоторое время находилась в полнейшей прострации. Потом сказала:

– Значит, я не увижу Ларису еще дня... три?

– Думаю – да. Лариса – работник ответственный. У нас в семье по женской линии все такие. Сказало руководство – в поход, пойдет в поход. А как же? Такие учителя, как Лариса, для сегодняшней школы – роскошь.

Оксана рассеянно кивнула. Было видно, что она о чем-то мучительно размышляет и до Ларисы ей по большому счету как до Луны.

– Оксана, мы с Ларисой – близкие родственники. И подруги. – Инна Викторовна решила перейти на более твердый тон, которым обычно и разговаривала со всеми. – И вы можете смело мне довериться. Тем более – я врач. Я вижу, у вас что-то стряслось. На вас напали? Я правильно поняла?

Глаза Оксаны, крупные, немного навывкат, мгновенно наполнились слезами. Она отрицательно покачала головой. В ней боролись два чувства. Ей отнюдь не хотелось излить душу незнакомому кому. Но не могла она вернуться туда, откуда только что убежала.

– Вас обидел близкий человек? – подсказала Инна Викторовна.

Оксана взглянула на нее испуганно и... разрыдалась. Инну Викторовну давно не потрясали чужие рыдания. Более того – за долгие годы работы она сама разучилась распускать слюни. А уж когда стала заниматься частной практикой и поднимать собственную клинику – научилась просто не замечать чужих слез.

Или же замечать только в интересах дела. Сегодня – особый случай. Перед ней сидела девушка чуть старше ее детей. А думы о младшей, Лизе, которую угораздило улететь так далеко от дома, последнее время все чаще сопровождались слезами. А Андрей? Тоже – хоть плачь. Вляпался по самое некуда! Вроде этой бедолаги.

Потому Инна Викторовна принялась живо хлопотать вокруг Оксаны, совать ей мокрое полотенце, наливать зеленый чай с медом, капать валерианку.

– Вы не подумайте, – захлебываясь слезами, умоляла Оксана, – Игорь не такой! Вообще у нас не было никогда, чтобы он руку на меня поднял. Никогда! А сегодня...

Инна Викторовна молчала. Вот где преимущество одиночества! Чтобы какой-то придурок на тебя еще и руку поднимал? Ну уж этого она бы не стерпела! Ее последний муж был

ужасный зануда и вечно ворчал. И чего добился? Инна Викторовна не стерпела и сказала ему «прощай». И никаких страстей. Уж если с отцом своих детей она не побоялась расстаться, то что такое – третий муж? А эта бедняжка, похоже, любит своего обидчика. Страсти-мордасти.

– Темперамент подвел, – подсказала Инна Викторовна.

– Какой темперамент? Игорь знает какой? Он раньше то и дело с цветами домой приходил. И всегда чуть ли не вприпрыжку с работы бежал. Мне все подруги завидовали. А тут – как подменили человека. Выпивать стал. И по пьяной лавочке такой злобой наливается! Обвиняет меня в таком... нарочно не придумаешь. – Глаза Оксаны, только-только начавшие подсыхать, снова наполнились влагой. – Чуть руку не вывернул!

Оксана закатала рукав и показала Инне Викторовне два внушительных синяка.

– Где же кроется причина? – как бы сама себя спросила Инна Викторовна. Этот вопрос она задавала всякий раз, когда бралась ставить диагноз. Болячка, как правило, налицо. Яснее ясного. А вот причина бывает разная. И лечить надо причину. Инна знала это точно – болячку без причины лечить бесполезно.

Инна Викторовна задала свой вопрос в никуда и ответа, собственно, не ждала. Она рассуждала вслух. Но Оксана не знала привычек Инны Викторовны и вопрос восприняла конкретно. И хозяйка заметила, что ее гостя смешалась и как-то даже испугалась. А чего пугаться-то? Известное дело: если вдруг ни с того ни с сего мужик начинает вести себя по-свински – этому должна быть причина. Говорят ведь: не буди во мне зверя. Так ведь кто-то этого зверя разбудил? Элементарно.

– Я думаю... его сглазили! – быстро сказала гостя и даже будто обрадовалась тому, что нашлась. – Да, его сглазили. Нам все завидовали, абсолютно все. Даже мои близкие подруги. Даже свекровь. Они с дедом, как кошка с собакой, а мы всегда – душа в душу.

Инне Викторовне стало интересно. Она любила докопаться до истины. Конечно, то, что лепечет это дитя, – сушная дребедень. Что значит – сглазили? Если так рассуждать, то у нас полстраны сглазили. Мужики пьют, женщины гуляют, дети наркоманят. Сглаз и порча. Нет, милочка, причина имеется, и ты наверняка ее знаешь. И почему-то скрываешь. А дело-то без причины с мертвой точки не сдвинется.

– Я, кажется, догадалась, какое дело у вас к Ларочке, – улыбнулась Инна Викторовна.

Оксана схватила за чашку с чаем и стала лихорадочно глотать остывший чай.

– Вы слышали, что Ларочка собралась со Стасиком ехать к бабке. Так? Сглаз снимать. Она надеется, что после этого сможет забеременеть. Я могу ее понять: они уже отчаялись завести ребенка и готовы схватиться за любую соломинку. Но вы-то! Думаю, в вашем случае снятие порчи не поможет.

– А что поможет? – Оксана оторвалась от чая и с надеждой взглянула на собеседницу. Ларисина тетка казалась ей в эту минуту единственным спасением. Во-первых, она врач. Во-вторых, она старше и опытнее. А в-третьих – они вращаются в разных кругах, что очень существенно. Инна Викторовна не может насплетничать, разболтать общим знакомым Оксанину историю. Оксана буквально впиалась в Инну Викторовну глазами. Та задумчиво смотрела на гостью.

– Нужно вскрыть причину. И устранить ее.

Оксана наморщила лоб. Она любит, когда люди выражаются более понятно. Вскрыть причину? Да именно этого она и сама хочет! Кто? Кто эта змея, которую она, Оксана, пригрела у себя на груди? Она вскрыет причину, можете не сомневаться! Вскроет и устранит!

– Скажите, Оксана, ваш муж... он... не падок на женщин?

Оксана подняла на Ларисину тетку глаза, полные возмущения.

– Ну что вы! Я же говорю: он меня обожал всегда. На руках носил.

– Тогда, возможно, – ревность? Вы наверняка дали ему повод. Если хорошо подумать, можно вспомнить что-нибудь, а?

– Никакого повода я ему не давала! У меня и в мыслях-то не было поставить под угрозу семью ради приключения. Да и не любительница я разных там скороспелых романов. Дружим мы только семейными парами. У нас сложился свой круг. Лариса со Стасиком, кстати, в него входят. Никогда никаких вопросов не возникало.

Оксана, вроде бы успокоившись, вдруг на ровном месте принялась всхлипывать и лить слезы. Инна Викторовна подлила ей ликеру.

– Тогда, Оксаночка, я посмею предположить, что у вас появилась завистница, которая очень умело раздувает пожар в вашей семье.

Инна Викторовна имела опыт. Она смотрела на свою гостью хоть и сочувственно, но все же снисходительно. Нужно уметь выбирать подруг. Это большое искусство. Инна Викторовна с осторожностью подходила к этому вопросу и не понимала, как можно дружбу ставить выше семейного благополучия. А ведь именно от дисбаланса в этом вопросе и случаются многие семейные драмы. Хотя это всего лишь версия Оксаны, которая той почему-то больше других нравится. Что-то здесь не так...

Оксана странно отреагировала на слова Инны Викторовны. Затравленно стрельнула глазами и спрятала их.

– Да, наверное, вы правы. Я же говорю: мне все завидовали. Игорь так меня любит...

Она твердила одно и то же, как попугай, и Инна понимала, что Оксана от нее отгораживается. А на самом деле в ее головке зреет что-то свое, недоступное постороннему. И что бывает в результате подобного созревания, Инна как врач знала. Вот сидите вы тут, душевно разговариваете «за жизнь», а потом человек, только что сидевший с тобой за одним столом, уходит и кончает жизнь самоубийством. Или же убивает кого-нибудь. Таких историй Инна Викторовна повидала. Потому сразу насторожилась: «Нет уж, красавица, ты мне мозги не запудришь. Я душу из тебя вытряхну, сама наизнанку вывернусь, но дознаюсь, зачем тебе Ларочка понадобилась и за что тебя твой навеки муженек поколачивает».

– А как вы, Оксана, с Ларисой познакомились? – прикинулась ветошью Инна Викторовна. – Соседи?

– Мы вместе лечение проходили. От бесплодия.

– Вот как? Так у вас вроде дочка есть?

– Ну да. Потом родилась. А сначала детей не было, не получалось. Ну, направили на обследование. У Ларисы та же проблема. Там и познакомились. Знаете, общая болезнь сближает.

– Что вы! Еще как! – поддакнула Инна Викторовна. – Но вам-то, как видно, лечение помогло. А вот Лариса до сих пор страдает.

Инна Викторовна говорила, а сама наблюдала за гостьей. Боялась упустить малейшую деталь в выражении ее лица. И заметила, как смешалась Оксана, услышав последние слова. Глазки увела, руками по коленкам забегала. Словно ее в чем-то уличили. А может, у нее ребенок неродной? Приемный? И они с мужем это не афишируют?

– У Ларисы все будет хорошо, – сказала Оксана и решительно поднялась. – Спасибо вам. Вы меня поддержали...

– Куда же вы пойдете? – встрепелась тетка Ларисы. – Оставайтесь ночевать. Ведь окажись Лариса дома, вы остались бы?

– Нет, нет, спасибо, я пойду, – скороговоркой оттарабанила Оксана и попятилась к выходу. Взгляд у нее был бегающий.

Не понравился Инне Викторовне ее взгляд. Нельзя эту Оксану в таком состоянии никуда отпускать.

– Вы знаете, Оксана, у меня дети вашего возраста. У каждого из них масса проблем. Нам с вами будет о чем поговорить. А то мне и поболтать не с кем. На работе лучше свои болячки не выставлять, а подругам тоже все не доверишь...

– Никому нельзя доверять! – неожиданно зло и горячо подхватила Оксана. – Особенно подругам!

– Я с вами абсолютно согласна! Поэтому все приходится держать в себе. А ведь иногда так хочется поделиться...

– Вот именно! Иногда сил нет держать в себе!

Инна Викторовна с большим интересом наблюдала за преображением собеседницы: женщина то вспыхивала, как костер от порыва ветра, то тухла, как фитиль без масла.

Чем-то таким она поделилась с кем-то, это ясно. Уж не с Ларисой ли?

Инна Викторовна считала себя крупным стратегом. Она умела вести разговор так, что человек, не получая вопросов с ее стороны, сам выбалтывал все, что надо. Трудно скрыть то, что болит внутри. Вот сейчас они обе вроде бы говорят на одну тему. Но ведь каждый о своем! Еще немножко, и ларчик с секретами этой Оксаны откроется! Если Ларисе грозит неприятность, то она эту неприятность от племянницы отведет. Это ее долг перед покойной младшей сестрой. Инна Викторовна старалась быть в курсе дел Ларисы. Конечно, это непросто и не всегда удается, но... И замуж Ларису выдала, и в клинику не раз устраивала, и в санаторий отправляла, и... Ну, в общем, сестра была бы не в обиде.

– Сынок меня беспокоит, – доверительно сообщила Инна Викторовна, – Андрюшка. Умник он у меня. Компьютерщик. А женился неудачно.

– С ребенком взял?

– Нет. Это бы полбеды. Чужих детей я не боюсь. Дети ни в чем не виноваты. Просто, Оксаночка, я вот пятьдесят лет на свете прожила, а такого чуда, как Андрюшкина жена, не видела!

– Страшная?

Инна Викторовна засмеялась. Да пусть бы страшная. Пережили бы такое горе как-нибудь.

– Моя старшая сестрица Ульяна ее знает как окрестила? Чисто по-русски. «П...да-растрепа».

Даже измученная своими мыслями, Оксана не могла не улыбнуться.

Инна Викторовна удовлетворенно кивнула:

– Я таких нерях в жизни не видела. Андрюшка долго копал, прежде чем откопать такое чудо. К тому же готовить вовсе не умеет.

– Сколько ей лет?

– Двадцать с хвостиком. А ведь он домосед по природе. Он до нее и девчонок-то не видел. Уставится в свой компьютер, а сзади еще телевизор надрывается. И вот вам, пожалуйста, вяпался. Она яичницу поджарить не умеет, а трусы так просто в мусорку выкидывает, чтобы не стирать.

Оксана передернула плечами. Вспомнила свою вылизанную квартирку в малосемейке.

– Нет. Я аккуратная. И готовить люблю, – глубоко вздохнула она.

– Да таких, как наша Кристина, просто в природе больше нет! Таковую воспитать – измудриться надо!

Инна Викторовна воодушевилась. Она могла развивать тему Андрюшкиного брака до бесконечности. И ведь квартиру им Лиза свою оставила – живи и радуйся!

– Не представляете, Оксана, во что Кристина превратила квартиру. Я вчера ходила к ним убираться – чуть пылесос не сломала. Он забился ее волосищами и не в силах работать, бедный.

– Кошмар... – отозвалась Оксана. Но Инна Викторовна заметила, что вопрос собеседницу не трогает и она снова потихонечку «тухнет».

– Да лучше бы он с ребенком взял, лишь бы она нормальная была, домовитая.

– С чужим ребенком – не надо, – возразила Оксана, глядя куда-то мимо Инны Викторовны.

– Что вы, Оксаночка! Вы Андрюшку не знаете! Он такой тютя! Он добрый. И чужого любил бы как своего.

– Да не верю я в это! – вдруг вспыхнула Оксана. – Они любят только себя! Все мужики – эгоисты! И в детях любят себя! А если возникает хоть малейшее подозрение, что ребенок не его кровный, – куда она девается, эта любовь!

Оксана вся так всколыхнулась, что у Инны Викторовны не осталось сомнения – это свое, наболевшее. Но не успела она додумать выплывшую из ниоткуда мысль, как запиликал телефон. Он звонил долго, настойчиво, пока Инна Викторовна семенила в своих пушистых тапочках из гостиной в кухню. Она была уверена, что это звонок из-за границы, и приготовилась услышать четкий грудной голос Лизы. И была сбита с толку беспокойным Андрюшкиным баском.

– Мам, включи телик. Областное телевидение.

– Да что случилось? Научное светило прибыло из Москвы?

– Если я не ошибаюсь, с Ларисой что-то. Включай. Я сейчас к тебе еду.

Забыв о госте, чувствуя, как внутри все деревенеет – будто под действием анестезии, Инна Викторовна двинулась к телевизору. Она включила областной канал и сразу узнала экстравагантную училку из Ларисиной школы. По телевидению та выглядела еще смешнее, чем в жизни. Подбородок у нее трясся как холодец. Инна Викторовна долго не могла вникнуть в суть. Училка что-то говорила, но что именно, было не слышно, за кадром звучал голос корреспондента. Соединить картинку и речь в своем сознании Инне Викторовне не сразу удалось. Она искала глазами племянницу. На заднем плане ученики складывали в автобус рюкзаки и сумки. «Спасатели уже выехали на место происшествия...»

Фраза докатилась до сознания Инны Викторовны, и она, беспомощно оглянувшись вокруг себя, еле слышно прошептала:

– Лариса...

Глава 4

«Соберись, Лариса Николаевна, – строго приказала она себе. – Сосредоточься. Постарайся припомнить все оттенки звука. Почему он тебя привлек? Откуда исходил?»

Звук исходил со стороны узкого прохода. Кажется, так. Нет, кажется или действительно так?

Лариса не давала себе поблажки. Да, звук появился со стороны прохода. Ведь когда она услышала, то моментально повернула голову влево, вперед, а не назад. Так, уже хорошо. Теперь характер звука. На что похоже? Крик? Всплеск? Звук упавшего камня? Могло быть и то, и другое, и третье. Конечно, мог быть крик. Но почему не повторился? Может быть, ребята ранены? Может, они без сознания и это крик сквозь бред?

Лариса поднялась на ноги. Нечего рассуждать. Если есть хоть один шанс из тысячи, что это был чей-то крик, то она должна идти. Ползти. Двигаться.

И она пошла. Идти приходилось боком. Проход сужался, и Лариса не могла не думать о перспективе протискивания сквозь каменную щель. Выбора не было. Лариса двигалась, стараясь не суетиться и не паниковать. Она подбадривала себя, хваля за каждый шаг. Согласно преданию узкий проход должен вывести ее к гроту. Если верить утверждениям Прытковой, хитроумное племя нарочно заузило ходы, чтобы удачнее обороняться от неожиданных гостей. Сюда мог проникнуть только человек особой комплекции, обладавший гибкостью животного. Вряд ли разбойникам удалось протащить сюда награбленное добро. А вот женщина Ларисиного склада пройти должна была. Еще усилие, и Лариса вырвалась из тисков узкого прохода. Она очутилась в темноте нового пространства, которое предстояло обследовать. На это не было сил. Она прислонилась к стенке, тяжело дыша и растирая затекшие руки. И тут она услышала вздох. Кожа мгновенно покрылась тысячей колючек, волоски по всему телу встали торчком. Здесь, рядом, кто-то дышал!

Разогретый страхами мозг Ларисы услужливо подкинул ей букет самых ужасных картинок. Чудовища, одно страшнее другого, представились ей ясно, будто она смотрела фильм ужасов. Ей захотелось стать маленькой, невидимой или вконец испариться. Она прекрасно понимала, что если это животное, то оно найдет жертву по запаху. Страх стал живым. Он стоял у нее за спиной, дышал в затылок, тянул к ней из темноты свои мохнатые лапы, и Лариса боялась дышать.

И в этом полубоморочном состоянии она услышала нечто. Это был полусшепот-полустон, звуки которого она попыталась сложить в мозгу и как-то обозначить.

– А-а-а-на...

Она не пошевелилась.

– А-а-а-а-а-вна...

Да, это был голос. Она лихорадочно шарила рукой по брючине, отыскивая фонарик. Она засунула его в карман. Внутри потихоньку начинала теплиться надежда. Если только у нее не начались слуховые галлюцинации, то она слышит свое имя «Лариса Николаевна». Кто-то из мальчишек зовет ее. Но почему так тихо и робко?

– Дима? Саша?

Ей наконец удалось включить фонарик. Она шарила лучом по стенам, но видела только свисающие отовсюду песчаные наросты.

– Ише... ише...

Что за чертовщина? Она ясно слышала голос. Но никого не видела. Голос просил говорить ее тише. Почему тише? Она могла кого-то разбудить? В голову лезла всякая ерунда. Вспомнилась легенда об одноглазом циклопе, разбудив которого путники обрекали себя на гибель. Лариса нервничала и осознала это. Собрав в кулак всю волю, она заставила себя

встряхнуться. Рука с фонариком тряслась. Шаря во всех направлениях, Лариса пыталась отыскать источник голоса. Но пока ее попытки помогли ей лишь немного привыкнуть к новому пространству. Это был причудливый неровный свод. Она стояла на выступе, который через пару шагов уходил вниз. Что было внизу, Ларисе видно не было. Она решила подойти и посмотреть, что же там, внизу. Но едва она сделала шаг, выступ, на котором она стояла, начал осыпаться. Он уплывал у нее из-под ног. Она прыгнула назад и прижалась к стене.

«Ишше...» – снова услышала она. Догадка пронзила мозг.

– Дима? Саша? Вы там, внизу?

– Да... – раздалось снизу, как из колодца.

– Саша, это ты?

Внутри Ларисы всколыхнулась радость. Да, в ней жил ужас, но радость уже подвинула его! Лариса не одна в этом ужасном подземелье, она нашла их!

– Да...

– А Дима? Он с тобой? Вы живы... оба? Ты не можешь говорить?

– Мы здесь. Тише, Лариса Николаевна!

Лариса слышала нечеткий голос Петрова, и ее обостренный слух ловил даже те звуки, которые не долетали до верха. Конечно, ребята не могут кричать. Теперь она понимала: они свалились вниз, шагнув вперед не так осторожно, как она. Их могло засыпать породой. Сколько часов они там находятся?

– Саша? Ты меня слышишь? – стараясь говорить как можно спокойнее и решительнее, произнесла Лариса. – Я все поняла. Я сейчас что-нибудь придумаю. Я только тут немножко посмотрю. Обязательно должно быть место, где можно спуститься...

Она лихорадочно соображала. Кажется, такие пещеры возникают там, где в земле трещины. Где проходят грунтовые воды, создавая порой целые подземные реки. Известковые породы образуют слои вместе с сыпучими... Но ведь до сих пор земля была довольно твердой? Почему же здесь порода посыпалась?

– Сейчас... Я сейчас, – приговаривала она, двигаясь по узкой каменной тропинке вдоль стены, стараясь не наступать на сыпучую песчаную поверхность.

Пока ей везло. Под ногами было твердо. Петров снизу что-то говорил ей, но она не могла разобрать его слов – она слушала лишь свои ноги. А ногам вторило бешено колотившееся сердце. Видел бы ее сейчас Стасик! Он привык созерцать ее домашнюю, в пушистых тапочках и велюровом халате. Он часто подтрунивал над ее «домашностью». Наверное, потому и увлекся деловой женщиной. Ту, другую, Стасик видел подтянутой, ухоженной. Они работают дверь в дверь. Он – нотариус, она – адвокат. Производственный роман... Нет, не думать об этом!

– Сейчас, мальчики. Я уже почти пришла, – сказала Лариса и с удивлением обнаружила, что действительно находится у самого края каменистого выступа. Здесь каменная тропинка превращалась в скользкие ступеньки, почти вертикально направленные вниз.

Стараясь не думать о том, как они станут подниматься, Лариса спустилась на пару ступенек и направила фонарь вниз. Теперь она могла рассмотреть днище «склепа». То, что она увидела, не вязалось ни с одним из ее ожиданий. Пол пещеры был засыпан, видимо, только недавно обрушившейся породой. И среди этих песчаных холмов торчали две головы – Саши Петрова и Димки Воскобойникова. Желудок Ларисы стянуло в узел.

«Не ныть!» – решила она и заставила себя не заохать и не закричать. Глаза Воскобойникова были закрыты. Зато Петров таращился на нее вовсю. Их засыпало песком по самые плечи. Лариса заставила свое стянутое маской страха лицо изобразить улыбку.

– Ну вот я и добралась до вас, негодники! – пробормотала она, нащупывая ногой следующую ступеньку. Ступеньки были разной высоты, скользкие, заросшие плесенью. «Только бы не свалиться!» – приказывала она себе, а вслух продолжала: – Ну и задам же я вам, братцы-кролики, как только откопаю! Можете приготовиться, я почти у цели.

Теперь ей хорошо было видно лицо Саши Петрова, его потрескавшиеся губы, перепуганные глаза. Ее тревожили закрытые глаза Воскобойникова. Но она не торопилась спрашивать.

– Вы не говорите громко, Лариса Николаевна, – зашептал Петров, не спуская с нее глаз. – Димка закричал, и вон тот край от крика осыпался.

– Я все поняла, – кивнула Лариса и мысленно похвалила себя за ловкость: она почти совсем спустилась вниз в абсолютной темноте. Ведь на последнем этапе пришлось убрать фонарик, чтобы освободить руки. Вот когда она пожалела, что не имеет снаряжения спелеологов с фонарем на каске!

Только ощутив песок под ногами, она позволила себе облегченно вздохнуть. Она спустилась! Преодолела еще одно препятствие!

Снова на ум пришла странная ассоциация. Она вспомнила горячо любимые в детстве игры с фишками и кубиком. Сама игра представляла собой карту какой-нибудь сказочной страны, а игроки были путешественниками. Кидаешь кубик и делаешь выпавшее количество ходов. И никогда не знаешь, куда попадешь. Тогда, в детстве, это казалось таким увлекательным! Со своими двоюродными сестрой и братом – Лизой и Андреем – Лариса могла часами блуждать по выдуманным лабиринтам игры...

Увязая в песке, Лариса добралась до ребят.

– Что с Димой?

– Кажется, он сознание потерял.

Петров хоть и выглядел перепуганным, но держал себя в руках. Молодец. Лариса положила фонарик на песок и принялась откапывать Петрова.

– Саша, сейчас мы откопаем тебя, потерпи. А потом ты мне pomoжешь вытянуть Диму. Ты ничего не сломал? Где болит?

– Я не знаю. У меня все тело как неживое.

– Ничего, сейчас, потерпи...

Лариса стала разгребать песок. Довольно быстро ей удалось освободить Сашины руки. Дальше пошло хуже – сказывалась усталость. Лариса торопилась. Сейчас в онемевшие Санькины руки начнет поступать кровь, а это больно, она знала. Нужно работать скорее, чтобы он не смог ей помешать. Выбиваясь из сил, она отгребала песок. Помогать ей Петров не мог – руки отказывались двигаться. Он только пытался ими шевелить, закусив губу от боли. Только когда она добралась до коленок, дело пошло быстрее. Петров пытался выдернуть ноги из песка. Как только ему это удалось, он с помощью учительницы выполз на поверхность и растянулся на песке. Сначала он заскулил от боли, потом заскрипел зубами и принялся кататься по песку.

– Сейчас пройдет, Саша, потерпи, – подала голос полумертвая Лариса. Она лежала, пытаясь выровнять дыхание и дать отдохнуть обессиленным рукам. Предстояло откапывать Димку. А ей казалось, что на это у нее не хватит сил. Наконец Петров затих. Лариса взяла фонарик и подползла к мальчику. – Саша, ну как ты? Ты что, заснул?

Бледное лицо Петрова, покрытое слоем светлой пыли, не выражало никаких эмоций.

– Саша!

– Да, – совершенно не сонным голосом отозвался Петров.

– Ты можешь двигаться?

– Кажется, да.

Они подползли к Воскобойникову. Его бритая голова с закрытыми глазами клонилась влево. По ней ползали муравьи. Петров и Лариса, не сговариваясь, принялись за работу. Сколько времени прошло, пока они откопали Воскобойникова? Может, час, а может – два. Лариса не переставая ругала себя за то, что послушалась Прыткову и не взяла в поход часы. Та настаивала чтобы предметы цивилизации остались в городе. Доигрались... Краеведческий клуб «Возрождение», руководимый Прытковой, был своеобразной учебной игрой, которой ей удалось увлечь всех старшеклассников. Поскольку до сих пор их игрища проходили удачно,

директор особо не вникал в систему правил и условностей «Возрождения». Ну, Прыткова! Лариса подбирала слова, которые скажет коллеге, как только выберется отсюда. Она невольно усмехнулась: дело за малым – выбраться...

Они вытащили Димку на ровную поверхность. Лариса ощупала руки и ноги Воскобойникова. На ощупь все нормально. Сашка Петров приложил ухо к Димкиной груди. Сердце стучит.

Как Лариса и рассчитывала, Воскобойников пришел в себя от боли. Он застонал и открыл глаза.

– Где я? – спросил ошарашенный Димка.

Лариса заплакала. Сколько раз Воскобойников доводил ее на уроке до белого каления! Он любил привлечь к себе внимание любым путем. А теперь, глядя в его изумленную физиономию, Лариса готова была расцеловать этого негодника только за то, что он живой!

Она заставила мальчишек шевелить руками и ногами, лишний раз желая убедиться, что они ничего себе не сломали. Предстоял нелегкий путь назад. Лариса принялась инструктировать мальчишек относительно обратного пути. Никуда не сворачивать. Путь один – по лабиринту, вперед и вперед. И никаких фокусов. Лариса посветила фонариком в лица учеников. Воскобойников молча кивал, а Петров... Он смотрел мимо Ларисы, куда-то вверх, и к чему-то прислушивался. Лариса молча проследила лучом фонарика его взгляд. Вверху, где оставался вход, откуда они все и пришли, как раз над тем местом, где Лариса впервые догадалась о случившемся, из разлома песчаного свода продолжала сыпаться порода. Свод разъезжался, выбрасывая новые порции песка. Медлить было нельзя.

– Мальчики, быстро наверх. Дорогу знаете. Никто никого не ждет. Ясно?

Мальчишки молча уставились на нее.

– Чего смотрите? Кто первый выберется из пещеры, сообщит спасателям обстановку. Поняли?

– Поняли.

Воскобойников, несмотря на пережитый страх, а может, как раз благодаря ему, довольно резво выкарабкался по скользким каменным ступенькам. Петрову пришлось труднее – он потерял много сил, откапывая товарища. Лариса стояла внизу и с тревогой следила за мальчишками. Она освещала им путь фонариком. Ей предстояло подниматься в кромешной тьме.

– Ну что же вы, Лариса Николаевна? Скорее, тут сыплется...

Она и сама видела. Как только Димка нырнул в черноту прохода, прямо у него за спиной с шумом обрушилась глыба породы. Песок повалил словно из гигантских песочных часов. Словно какой-то великан проковырял дырку в песочнице.

– Саша, скорее!

Петров, прижимаясь спиной к стене, с трудом пробирался к выходу. Луч фонаря плясал в руке Ларисы.

– А вы?

– Скорее! Ныряй в проход! Иди не оглядываясь!

Только когда мальчишки скрылись в коридоре пещеры, Лариса позволила себе начать путь. Она положила фонарик в карман – теперь он был бесполезен. У Воскобойникова есть фонарь. Как ей хотелось верить, что мальчишки благополучно минуют узкий коридор! Ибо это самый трудный участок пути.

Лариса взбиралась по скользкой каменной лестнице и слышала, как вверху все усиливается звук обвала. Она торопилась – карабкалась, цеплялась ногтями за мягкий влажный мох, уговаривала камни помочь ей, преодолевала ступень за ступенью. Но пыль, забивающая глаза, песок, который скрипел на зубах, известь, которую приходилось то и дело сплевывать, и нарастающий грохот отнимали у нее надежду. Начался настоящий обвал. И если вход все еще не засыпало, то пока она доберется, его засыплет наверняка. Замурует намертво.

«Это наказание! – сквозь слезы и песок заявила себе Лариса. – Ты не хотела жить из-за Стасика? Разве можно не хотеть жить? Только не в ту минуту, когда ты стоишь лицом к лицу со смертью». Она хочет жить! Со Стасиком, без Стасика – все равно! Она хочет видеть небо, траву, людей! Она хочет видеть учеников, она хочет видеть Прыткову! Она не позволит этой прожорливой пещере торжествовать победу. Она не даст поглотить себя!

Лариса вцепилась в каменный выступ и попыталась подняться выше. Встать. Но нога, попав на что-то скользкое, поехала. Лариса не удержалась и полетела вниз, больно ударяясь о камни. За ней летели куски породы. Песчаный свод рушился, безнадежно упрятав проход, в котором исчезли ребята. Лариса отползла в сторону. Она преследовала одну цель – спастись от обвала. Не быть погребенной заживо в толстом слое песка и породы. Она забилась в какую-то щель, закрыла голову руками, а губы шептали слышанные где-то слова не то песни, не то молитвы: «Ангел мой, будь со мной, иди вперед, а я за тобой...»

Глава 5

...Перед тем как открыть глаза, Лариса увидела короткий остропахнувший сон. Запах сырой земли, разрытое поле, синий грузовик и Ларисины одноклассники с ведрами. Она поняла, что видит себя на уборке урожая в подшефном колхозе. Грузовик вдруг поехал, Лариса хотела крикнуть, что у нее ведро полное, чтобы подождали! Но грузовик уезжал, а Лариса не могла поднять ведро – оно было слишком тяжелым. От обиды и бессилия она проснулась и уставилась в темноту. И тут же со стремительностью мячика на резинке к ней стала возвращаться беспощадная действительность. Она одна, глубоко под землей, в этом чудовищном лабиринте. Проход засыпало, того свода, где она нашла мальчишек, больше нет. Он осыпался, а она успела забиться в какую-то щель и, вероятно, от ужаса и потрясений потеряла сознание. Сколько пролежала она в таком состоянии? Час? А может, сутки? А может, больше? Пыль успела осесть. Лариса облизала запекшиеся губы. Очень хочется пить. Так хочется, что даже чувство голода притупилось. Где-то она читала, что без еды человек может выдержать довольно долго. Больше месяца. Но не без воды.

Лариса попыталась пошевелить рукой. Затем – ногой. Кажется, все цело.

Лариса села и принялась ощупывать пространство рядом с собой. Голая каменная стена. Лариса стала перемещаться вдоль стены, сама не зная зачем. Она продвигалась, пока рука не попала в пустоту. Пространство в стене. Щель. Лариса остановилась напротив этой щели, вытянула руки, насколько это было возможно. Кажется – новый тоннель! Страстно желая поверить, Лариса вглядывалась в темноту. Где-то там, далеко, сочился мутный, неясный свет. Или ей это казалось?

Лариса вполне допускала, что у нее могут начаться галлюцинации. Она как следует потрясла головой и зажмурилась. Затем осторожно открыла поочередно оба глаза. Свет слабым матовым пятном дрожал в конце тоннеля. Определить расстояние до этого пятна на глаз не представлялось возможным. Лариса опустилась на четвереньки и вползла в тоннель. Она передвигалась по длинной каменной кишке, не упуская из виду матовое пятно впереди. Она чувствовала, что отчаяние отступило лишь на шаг. Оно близко, оно дышит ей в затылок. Отчаяние и безумие ползут за ней следом, и только колоссальным усилием воли ей удастся контролировать свое сознание. Вскоре ладони были изранены о бесконечный ракушечник и камни. Колени болели. И когда Лариса была готова подумать, что проход становится все уже, грозя стиснуть ее – и от одной только мысли она чувствовала, что теряет возможность дышать, задыхается, – именно тогда она очутилась вдруг в просторном каменном кармане, где немедленно вытянулась во весь рост, раскинув руки и ноги. Все тело гудело и ныло. Ладони горели, пальцы затекли. Ларисин мозг отметил, что дальше продвигаться будет легче – тоннель расширился. Она сможет выпрямиться в полный рост. Лариса пошевелила пальцами и немедленно нащупала под собой гладкий камешек. Лариса лежала, закрыв глаза, и перекачивала в руке камешек, отмечая его гладкость, плоскость формы. Она попыталась представить мысленно траву, солнечный свет, деревья.

О, если бы она могла стать невесомой, взлететь, пройти сквозь толщу породы и очутиться там, наверху! Вдохнуть свежего воздуха, услышать шелест листвы!

Лариса сосредоточилась на этой мысли. Она вся сконцентрировалась, и желание ее стало столь пронзительным, что на миг ей показалось, будто она и в самом деле парит в воздухе. Лариса резко села и открыла глаза. Темнота была не абсолютной. Она сразу заметила, что различает очертания стен, выступы. Темнота стала разжиженной, рельефной. Среди темной породы выделялось светлое пятно в углу. Оно немедленно завладело ее вниманием. Она поднялась, приблизилась... и – с криком отпрянула! В углу каменного кармана сидел человеческий скелет!

Лариса подпрыгнула как ужаленная и метнулась в тоннель, в ту сторону, где маячил свет. Проход был достаточно широким – она бежала, а за ней разбуженным диким эхом летело ее «а-а-а!».

Подгоняемая новым ужасом, Лариса пробкой вылетела в серый свет сумрачного грота. Где-то невдалеке равномерно журчала вода. Лариса огляделась. Отовсюду сочился нечеткий мерцающий свет. Вода лилась прямо по вертикальной стене, падая куда-то вниз, за каменный выступ. От стены Ларису отделяла гряда камней. Движимая жаждой, Лариса подошла к каменной баррикаде и заглянула за нее. Это был каменистый берег подземной реки. Прямо у ног Ларисы берег обрывался, и там, далеко внизу, сумрачным блеском отливала черная вода. Лариса судорожно сглотнула несуществующую слюну. Язык во рту горел, стал большим. В горле щипало. Пить! Любой ценой достать воды! Хотя бы глоток воды!

Лариса поползла меж камней, пытаясь подобраться к воде. Нигде она не видела выступов, по которым можно было подобраться к воде. Влага блестела внизу, журчала по противоположной стене, дразня, издеваясь: «Вот я, достань меня!» В ярости и бессилии Лариса ударила кулаками по каменной плите грота. Что-то острое вонзилось в ладонь. Лариса разжала пальцы и уставилась на предмет, лежащий в ладони. Оказывается, все это время она держала в руке тот самый камешек, что случайно нащупала, когда увидела скелет. Камешек напоминал по форме березовый листок. Круглый с одного конца и острый с другого, он имел в своем острие дырочку. Увидев эту дырочку, Лариса догадалась, что камень изготовлен руками человека и скорее всего служил кому-то украшением. Она перевернула камень другой стороной. Здесь отчетливо выступал знак. Знак был высечен острым предметом и представлял собой трилистник, увенчанный сверху маленьким подобием чалмы. Точно такой же рисунок Лариса видела на черепках, найденных Прытковой!

Значит ли это, что легенда о странном племени – не сказка? И племя обитало в этих краях, а от врагов пряталось в лабиринтах пещеры? Тогда должен существовать выход!

Мысли Ларисы метались, голова кружилась. Она вдруг явственно вспомнила, при каких обстоятельствах нашла амулет с изображением цветка. Камешек мог принадлежать скелету! То есть тому, кто волей обстоятельств оказался заточен в каменном кармане. Если это человек из племени, то почему не нашел дорогу? Он, точнее, она должна знать все ходы и выходы! Почему же...

Лариса обессиленно опустила на каменный пол. Выхода нет. Если уж человек из племени не сумел выбраться отсюда, то у нее это и подавно не получится. Она обречена. Лариса почувствовала, как ее покидают силы, как все мысли и заботы куда-то уходят, как приходит тяжелый, будто анестезия, сон.

Она увидела свое тело сверху. Тело было грязным, перемазанным глиной. Оно лежало на каменном полу, никчемное здесь, бесполезное. Лариса вспомнила свое недавнее стремление пролететь сквозь толщу породы и... перевернулась в воздухе. Новое состояние забавляло. Лариса стремительно удалялась от своего грязного, безвольно раскинутого тела. Без особых затруднений она вылетела из каменного склепа. Солнце, зелень и щебет птиц были именно такими, какими она ожидала их увидеть и услышать. Лариса поднялась над лесом на высоту полета жаворонка. Она увидела реку, окруженную щеткой леса, каменистые гребни и холмы, кучки людей, божьими коровками суесящихся у холма. Что-то в этой кучке привлекло ее, и она приблизилась. Здесь была Прыткова. Учительница суеялась больше других, жестикулировала. От нее во все стороны летели искры. Здесь были все ученики Ларисы. Они тоже суеялись и выглядели озабоченными. Невдалеке стояло несколько машин, среди которых Лариса узнала «скорую помощь». Люди в белом тащили носилки. На носилках лежал Димка Воскобойников. Выглядел он как обычно: тарасил глаза и корчил рожи девочкам. У Димки сбоку, на ремешке, болталась металлическая фляжка. Лариса приклеилась взглядом к этой фляжке и некоторое время следовала точно за ней. Потом она увидела Олю Земчихину, которая тоже заинтересо-

валась фляжкой. Оля что-то сказала санитарам, те кивнули, и... фляжка оказалась в руках у девочки. Теперь Лариса пристально наблюдала за Олей. Та отбежала в сторону, и Лариса проследовала туда же, не сводя глаз со щербатого бока фляжки. Оля отвинтила крышку, и Лариса заволновалась. «Оставь глоточек!» – попросила она девочку и даже руку протянула к фляжке. От нетерпения Лариса внутренне дрожала. Но Земчихина побултыхала воду в фляжке и... вылила ее в траву! Даже не взглянув в Ларисину сторону, Земчихина повернулась и вприпрыжку побежала к ребятам. А Лариса взвилась от возмущения и собственной беспомощности. Она летела за девочкой, ругаясь и грозя. Она пыталась достучаться до Земчихиной до тех пор, пока не услышала обрывок разговора. Говорили какие-то незнакомые мужчины и Прыткова. Лариса догадалась, что речь о ней. И что собравшиеся строят предположения о том, какая участь постигла ее, Ларису.

Мужчина в синем форменном комбинезоне настаивал на следующей версии: учительницу скорее всего завалило песком именно в тех сводах, где засыпало учеников. И если ученикам удалось спастись, то надежды на спасение учительницы не остается. Проход завален породой. Лариса попыталась вклиниться в разговор, но ее не заметили. Мужчина в костюме и с галстуком предложил взорвать проход. Лариса затряслась от возмущения и почувствовала, что все ее существо концентрируется в маленькую емкую точку. Она попыталась закричать. Она дергала за рукав того, кто в костюме, и билась о грудь того, кто в комбинезоне. Нельзя взрывать! Если взорвать, в пещере начнется настоящая катастрофа, а ведь она, Лариса Захарова, лежит на каменном полу в одном из закоулков лабиринта! Возле подземной реки! Она не погибла, она выбралась, проползла, добралась...

...Ее никто не слышал. Они как сговорились не замечать ее! Лариса всю свою злость сосредоточила на Прытковой. «Толстая корова! – стала она ругать коллегу. – Неужели ты думаешь, что я так просто сдалась? Да ты же сама мне плешь проела, доказывая, что здесь целые лабиринты под землей! Что же ты молчишь теперь? Дурында!»

Прыткова что-то квакнула насчет древнего племени, но мужики взглянули на нее как на ненормальную. Ларису вдруг охватила страшная тоска. До нее докатилось смутное осознание ненормальности происходящего. Выходит, она раздвоилась? И половина ее находится здесь, на поверхности, а половина лежит там, в холодном подземелье? Уж не умерла ли она?

И тут Лариса услышала голос: «Лари-са...» Кто-то звал ее по имени незнакомо, протяжно. Лариса огляделась. Суэта вокруг не имела ничего общего с идущим откуда-то издаleка голосом. Она решила, что должна немедленно выяснить, откуда идет голос. А попутно подумала об оставленной под землей Ларисе и моментально очутилась в сумрачном гроте. Сразу увидела себя, безмолвным комком лежащей на полу. Руки, перепачканные глиной, лицо в грязи. И футболка задралась, обнажив пупок. А джинсы разорваны на обеих коленках, как у подростков. Ларисе стало стыдно за себя, ту, которая валяется раскинув руки. Захотелось поправить, одернуть футболку, убрать волосы с лица, как-то привести себя в порядок. Но и этого она сделать не могла. А голос звал откуда-то из глубин подземелья. Он то приближался, то отдалялся. Прямо перед собой Лариса увидела проход в стене. Голос раздавался оттуда, и там же в глубине мерцало свечение. Как зеленый огонек светлячка в ночи. Лариса подумала про ангелов, про то, что читала когда-то в книжке одного английского умника о жизни после жизни. И с интересом стала ждать, кто же появится из проема в стене, светясь одеждами. Ее отец? Дядька по маминой линии, умерший пять лет назад от рака? Дед Савелий?

Но появившийся не оправдал ее ожиданий. В проходе, освещенный брызгами света фонаря, обозначился четкий мужской силуэт. Мужчина чертыхнулся, задев ногой скользкий увесистый камень. Лариса никогда прежде не слышала и не читала, что ангелы умеют чертыхаться. Она заметалась вокруг своего тела, стремясь прикрыть его поприличнее. Мужчина положил фонарик на камень и огляделся. Он увидел тело на полу и присвистнул. Свист в этой ситуации показался Ларисе неуместным. И даже оскорбительным. Так обычно свистел

Димка Воскобойников, узрев у себя в дневнике очередную двойку. Вспомнив Воскобойникова, Лариса догадалась, что мужчина испугался. Он увидел то, что искал, и теперь боялся подойти. Он испугался, что Лариса мертвая. «Ну подойди же! – толкала его та, что болталась между небом и землей. – Дай же ей воды, или она действительно отбросит копыта от жажды!»

Мужчина теперь совсем не напоминал Ларисе ангела. Клетчатая рубашка с рукавами, закатанными до локтей, была мокрой под мышками. Черные джинсы облеплены глиной и известью. Пришелец источал острый мужской запах, который резко выделялся на фоне запахов сырой земли и плесени.

Мужчина наклонился над безжизненным телом и стал производить над ним общепринятые манипуляции. Он искал пульс, слушал сердце, тормозил тело и звал ее по имени. Лариса металась у него за спиной, пытаясь дать дельный совет и как-то помочь. Мужчина попробовал было сделать искусственное дыхание, но, видимо, оказался не силен в этом. Он попытался равномерно давить ладонью Ларисе на грудь. Так делают массаж сердца. Лариса видела сверху, как мужчина тормозит ее, бьет по щекам, пытается устроить ей под головой возвышение из песка. То вдруг передумывает и устраивает то же самое в ногах. Спаситель вел себя как дилетант. Но почему-то Ларису не покидало чувство, что она знает его.

Через полчаса бесполезных усилий мужчина отступился от безжизненного тела и уселся на берегу водоема. Он отвернулся к черной воде водоема. Все. Он сейчас уйдет. Он решит, что сделал все, что мог. Учительницу не спасти.

Он заберет фонарь, исчезнет в черном бездонном проеме, и тогда уже точно за бесприютной душой явятся настоящие ангелы. Ну и пусть. Она устала. Что она видела в этой жизни? Была ли счастлива? Об этом ли мечтала в юности?

Лариса с сожалением смотрела на свое замотанное тело и силилась вспомнить, о чем мечтала в юности. Да как о чем? Она хотела писать диссертацию! Ее интересовали поселения времен неолита. Конечно! Но тогда они познакомились со Стасом и поженились. Ему нужно было делать карьеру, а ей – обеспечивать ему условия. Они оба много работали. Она работала в две смены. Ей дали столько часов, что те с трудом уместались в тарифной сетке. Тут уж не до диссертации. Да, и еще она мечтала об экспедиции, о раскопках и исторических находках. Но все время занималась не тем, о чем мечтала. Бесполезная, никчемная жизнь. Там, наверху, видать, решили, что с нее хватит. Диссертацию не написала, ребенка не родила. Мужа удержать не сумела. Пора на перевоспитание, на небеса. А уж в следующей жизни, «когда я стану кошкой»...

Потянуло дымком. Это мужчина у воды курил, зло дергая плечом, когда нужно было стряхнуть в воду столбик серого пепла. Сейчас докурит, возьмет фонарь и...

– Черта с два! – ответил кому-то мужчина и решительно поднялся. Он вернулся к безвольной куче, именуемой когда-то Ларисой Николаевной, и стащил с нее майку. Лариса безучастно наблюдала за действиями непрошеного спасителя. Он бесцеремонно расстегнул молнию на джинсах женщины и, чертыхаясь и матерясь, стащил их и бросил рядом. Лариса метнулась к своему телу, словно могла прикрыть его наготу. Ничто не могло помочь Ларисе Николаевне. Она валялась голая и безучастная и не слышала увещаний своего бестелесного двойника. И не реагировала на действия спасителя. А тот не унимался. Он начал массировать пальцы ее ног. Он тер их каждый, все до одного. Затем перешел к ступням, шиколоткам и выше. Он разминал безучастное тело, приговаривая что-то себе под нос. Лариса со стороны видела, что труд этот вовсе не легкий: рубашка на спине мужчины промокла от пота. Он сбросил рубашку раздраженным движением плеч и продолжил работу. Лариса металась вокруг со все возрастающим волнением. Мужчина тер ее руки и вновь возвращался к ногам. Он взмок. Даже волосы мокро прилипли ко лбу.

Вскоре на теле Ларисы не осталось ни сантиметра, где бы ни прошли его руки. Лариса, та, что была невесомой, казалось, не могла ощущать прикосновений незнакомца. Но она была

готова поклясться, что ощущает! Каждая клеточка ее тела горела под его руками. Руки были незнакомые, чужие, но негрубые. Они властно и вместе с тем бережно касались Ларисиной кожи. Он делал все, чтобы спасти ее, а она никак не могла слиться с телом воедино! Лариса видела на лбу мужчины бисеринки пота. И глаза его блестели влажно и сосредоточенно. Наконец он догадался – отвинтил колпачок фляжки. Капли влаги упали на Ларисины губы. Мужчина стоял на коленях и напряженно вглядывался в лицо Ларисы. Когда изо рта лежащей женщины раздалось первое подобие стога, спина спасателя замерла. Ресницы женщины дрогнули, но глаза не открылись. Губы прошептали что-то, он не разобрал что. Он наклонил голову к самому ее лицу.

– Поцелуй меня... – услышал он.

Бестелесная часть Ларисы тоже услышала это и изумилась собственному бесстыдству. А мужчина не удивился. Видимо, усомнившись, правильно ли он понял ее просьбу, наклонился еще ниже и осторожно поцеловал ее в запекшиеся губы.

– Еще...

Лариса – невесомая – с изумлением наблюдала за странной формой возвращения к жизни. Мужчина целовал уже ее шею, грудь. Наблюдать эти манипуляции с собственным телом было странно и беспокоило. Она уже догадалась, чем это скорее всего кончится. И не ошиблась. Мужчина оторвался от Ларисы только для того, чтобы освободиться от собственных джинсов. Лариса не могла больше безучастно наблюдать. Она метнулась к своему телу, стала тормозить его. Она попыталась пошевелить рукой, ногой и вдруг неожиданно крупно вздрогнула всеми частями. Но этот ее вздрог был немедленно подавлен неслабым телом спасителя.

Глава 6

Оксана вынырнула из постели и завернулась в бежевый пеньюар.

– Ты куда?

– В душ.

Оксана мило улыбнулась Игорю и улизнула. Она нырнула в прохладу тесной ванной и зачем-то набросила крючок на дверь. Она сделала это машинально, не осознавая причин. И только когда включила душ и подставила себя под теплые струи, заметила этот крючок и задумалась. Она что, стала бояться собственного мужа? Раньше она никогда не запиралась в ванной. Ласки Игоря ей приятны. И бывало, она нарочно оставляла дверь открытой, чтобы он зашел и...

Выходит, нельзя утверждать, что все как прежде. А ведь полчаса назад они страстно уверяли друг друга, что у них нет тайн. И то, что случилось, – досадное недоразумение. И в минуты последней близости Оксана всей душой верила, что так и есть. Не было этих ужасных сцен, ссор, бессонных ночей и головной боли по утрам. А была только их счастливая жизнь, их любовь, минуты нежности. Вспоминалось все самое хорошее. Каким, например, приятным было ожидание ребенка! Оксане нравилось быть беременной. Она не стеснялась своего живота, как некоторые женщины. Она любила, когда в автобусе ей уступали место, когда знакомые интересовались самочувствием. И быть молодой мамой было приятно. Наглаживать вещи ребенка, покупать детское питание... А наряжать Юльку и отправляться с ней на прогулку? Это просто верх блаженства! Но и став мамой, Оксана не отняла своего внимания у мужа в пользу дочери. Ее нельзя в этом упрекнуть. И в постели она не была ленивой и никогда не ссыалась на головную боль или усталость, когда Игорь был расположен к близости. И вот на тебе – она закрылась! И если он сейчас заметит это, то все начнется сначала – вопросы, намеки, упреки. Оксана поспешила покинуть ванную и голову вытирала уже на кухне.

Игорь курил в постели, глядя прямо перед собой. Там, на стене, висела большая свадебная фотография. Оксана тоже не раз подолгу любовалась ею. Но сейчас невольно вползла мысль: «О чем он думает?» Но озвучивать свои мысли она не стала. Она вообще последнее время избегала разговоров по душам. Она не хотела копаться в душе у мужа. Она жаждала докопаться до истины, а истина таилась в другом месте.

– Посиди со мной, – попросил Игорь.

– Котик, ты же знаешь, мне нужно в больницу.

– Хочешь, я пойду с тобой?

Игорь выбрался из постели и пришел к ней на кухню. Оксана электрощипцами завивала челку.

– Зачем? – скосила она глаза на мужа.

– Навестить Ларису.

– Котик, я тебе уже говорила: Лариса никого не узнает. И врач не разрешает много народу.

Только самые близкие.

– А ты – самая близкая?

Оксана вынула из локона щипцы. Старательно отобрала новую прядь.

– Не самая, но близкая. У нее еще имеется тетя, двоюродный брат...

– Муж.

Оксана скривилась от того, что обожглась, но, увидев свою скривленную физиономию в зеркале, поняла, что Игорь мог отнести это выражение на счет мужа Ларисы. И пусть. Муж у той оказался форменной сволочью. Оксана вчера собственными глазами видела, как он подвозил эту мымру из адвокатуры. Людей не стесняется!

Оксана мысленно вlepила Ларисину Стасику пару оплеух, но вслух согласилась:

– И муж, конечно.

– Нет. Сначала – муж, а уж потом – тетя, брат и подруга Ксюша, – поправил Игорь, снизу глядя Оксане в глаза. Оксана увидела его взгляд в зеркале. Игорь положил голову на кухонный стол и стал смотреть, как она завивается. Оксане под его взглядом стало неудобно. Она во всем ожидала подвоха.

«Сначала муж, а уж потом...» Что он этим хочет сказать? Что у Ларисы с мужем настолько доверительные отношения, что Лариса могла рассказать ему тайну Оксаны? Вот так вот взять да и поделиться с любимым мужем чужим секретом. А тот потом по пьяной лавочке Игорю и выдал. Твоя, мол, моей нащептала... Не на это ли обстоятельство намек?

Оксана посмотрела мужу прямо в глаза. Глаза были чистые и немного грустные. И выражали любовь. Но Оксана уже знала, что они могут быть и другими. А подобное преданное выражение глаз – всего лишь тень вины. И он действительно виноват! Еще как виноват. Но виноват ли Стасик? Как могли пересечься дороги нотариуса Стасика и рядового инженера Игоря? Кроме как на общих вечеринках, они не пересекались никогда.

– Кстати, ты давно видел Стаса?

– Не помню. А что?

Лариса выдернула шнур из розетки. Завиваться расхотелось. Уложит волосы в пучок. Тон нужно держать как можно небрежнее, с безразличинкой. Какое ей дело до Стаса?

– Да говорят, у него роман с коллегой по работе. Не слышал?

– Сплетнями не интересуюсь.

Игорь потянулся за сигаретами.

– Ничего себе – сплетни! Вчера у меня на глазах он – *утром!* – привез ее в контору и...

– А ты что там делала? Утром?

Оксана поняла, что прокололась. Только не показать внешне! Она открыла кран холодной воды и намочила обожженное место.

– Ходила за детсад платить. Сберкасса-то напротив.

Оксана похвалила себя за находчивость. Что бы она стала делать, если бы Игорь узнал, что она ходила в юридическую консультацию? Как бы стала выкручиваться?

– Это их дело, – бросил Игорь то ли насчет Стаса и этой крысы из адвокатуры, то ли насчет Стаса и Ларисы. «Их дело». Игорь никогда не станет влезать в чужое дело. А вот в их дело влезли, да еще как! Натоптали, нагадили так, что не разгребешь. И возможно, все тот же Стасик. Никогда он Оксане не нравился. Боров холеный. Глазки несытые. Себе на уме. Как-то Лариса пригласила подруг на девичник, все собрались. Лариса достала торт из холодильника, который сама испекла накануне. Фирменный ее тортик, «Цветочная поляна» называется. Ну так вот, на поляне не было ни одного цветка! Стасик, как оказалось, «так любит крем, что не удержался, слизал». Дикость. Оксана второго такого Стасика не встречала. Наверняка это он...

Впрочем, натолкнувшись на внимательный взгляд мужа, Оксана одернула себя. Что она прицепилась к Стасику? Всегда ведь нормально к нему относилась на самом деле.

– Ты передумала завиваться?

Черт! Что он до нее докапывается? Думала, передумала!

– Некогда уже, прием до пяти, опоздаю!

Оксана даже не стала краситься, натянула на себя что подвернулось, чмокнула Игоря в щеку и убежала.

У входа в больницу она столкнулась со Стасиком. Он был весь в себе, не сразу поздоровался.

– Ну, как она?

Оксане сразу стало стыдно, что полчаса назад она обозвала Ларисиною мужа боровом. Он выглядел таким озабоченным!

– Не знаю даже, что и сказать, – развел руками Стасик, но тут же добавил: – Думаю, ей уже лучше.

– Она тебя узнала? – У Оксаны в душе трепыхнулась надежда. Уж больно тяжело ей давались посещения Ларисы.

– Ну, не то чтобы... – Стасик как-то смешно собрал губы в трубочку. – Но, думаю, сдвиги есть.

– «Сдвиги, сдвиги»! – передразнила Оксана. – О чем вы разговаривали?

– Ну, собственно, говорил я, а Лариса меня внимательно слушала. И мне кажется...

Оксана нечаянно задела взглядом окно на втором этаже. Она узнала Инну Викторовну. Та стояла и смотрела на них со Стасиком. Хмуро смотрела, брови сведя к переносице. Энергичная, вечно занятая Инна Викторовна стоит у окна без дела?

Оксана поспешила распрощаться со Стасиком и взбежала на второй этаж.

– Что-то случилось? – забыв поздороваться, выпалила Оксана.

Инна Викторовна едва взглянула на Оксану. Ноздри Ларисиной тетки затрепетали, глаза стали узкими, рысьими. С таким выражением лица она провожала взглядом машину нотариуса Захарова.

– Ты бы только видела, Оксана! – Железная маска дрогнула, исказилась и потекла. Инна Викторовна беспомощно шмыгнула носом. – Какой лицемер! Лжец! Изворотливый шут! Он пользуется Ларочкиной болезнью, он... сволочь!

Инна Викторовна неопределенно махнула рукой – то ли призывая Оксану за собой, то ли вслед Стасику. И быстро пошла прочь от окна, в свой кабинет. Оксана поняла, что должна пойти следом.

Хозяйка клиники влетела в кабинет и кинулась к шкафчикам. Оттуда вылетела какая-то склянка и, прежде чем разбиться, наделала шума. Вбежала секретарша в коротенькой форме цвета морской волны. Молча собрала осколки.

– Лена, где у нас стаканы?

Лена без слов накрыла на стол и удалилась. Инна Викторовна плеснула виски в широкий стакан. Протянула Оксане.

– Инна Викторовна, вы что, не знали, что Стасик Ларисе изменяет?

– Знала! Знала и молчала, будь он трижды неладен! Ларочку жалела. А кто не изменяет? Все они козлы... – Инна Викторовна глотнула виски и бросила в рот ломтик лимона. Сморщилась, добавила: – Козлы, мелкие пакостники и трусы!

«И сплетники!» – мысленно добавила Оксана, но промолчала.

– Ты знаешь, что он сделал? – прищурилась Инна Викторовна. – Нет, ты даже представить такое не можешь!

А Оксана именно это и хотела сказать. Могу, мол, себе представить. Пришлось сказать другое:

– Лариса его узнала? Вспомнила?

Инна Викторовна внимательно взглянула на собеседницу:

– Вроде как – нет. Не пойму я до конца, что с ней. Она смотрит на него, а мне все по видео видно. И слышно. Он-то, гад, не в курсе, что у нас в таких палатах камеры наблюдения. Так вот, смотрит Ларка на него, а взгляд у нее такой растерянный, беспомощный...

Снова на глаза Ларисиной тетки навернулись слезы. И у Оксаны в глазах защипало и жалко стало Лариску, ну прямо до слез! Такое пережить, с того света, можно сказать, вернуться, и – на тебе! Все забыть! Мужа родного не вспомнить!

– А может, и лучше для нее, не помнить ничего? Ни его измен, ни своих слез? – вслух подумала Оксана. Она примеряла ситуацию на себя. Как она вдруг забыла бы Игоря, смотрела бы на него как на чужого? Легче бы ей было? Не чувствовать этой изматывающей смеси любви и страха...

– А он ей и говорит, – не обращая внимания на замечание Оксаны, продолжала Инна Викторовна. – Ты, говорит, Ларис, не смущайся, что некоторых вещей не помнишь. Это у тебя, мол, последствия шока, пройдет. Я тебе, мол, помогу. И с моей помощью ты быстро восстановишь всю картину в памяти.

– И что? – Оксана распахнула глаза.

Инна Викторовна была так потрясена и расстроена, что одной порции виски ей показалось мало. Она плеснула себе и гостю.

– Лариса так вежливо ему говорит: конечно, конечно... А он ей начинает сладеньким голоском напевать: «Жили мы, честно сказать, Ларис, между собой неважно. У тебя – свои интересы, у меня – свои. Детей у нас нет и теперь уж не будет».

– А Ларочка – что?

– Что – Ларочка? Глазами хлопает и слушает. А выражение глаз такое мучительное, как у школьника, который задачку никак не решит.

– Бедняжка...

– Ты слушай дальше! – Ноздри у Инны Викторовны подрагивали. – Должен, говорит, тебе признаться, что фактически у нас с тобой все было решено. И как раз, мол, перед этим злополучным походом мы с тобой пришли к выводу, что оставаться вместе дальше бессмысленно, и фактически мы разошлись.

– Так и сказал?! – Глаза Оксаны чуть не выпрыгнули из орбит.

– Вот представь себе! Моя лапушка племянница смотрит на него, как кроткая овечка, а я чуть монитор не разбила. Ну, думаю, нет! Я это кино до конца досмотрю. А потом я тебе, зятек дорогой, такое шоу устрою...

– И что же дальше?

Для Оксаны в этот миг собственные переживания отодвинулись на задний план. Ларке хуже. Еще неизвестно, что с ней дальше будет. Ее вытащили из этой долбаной пещеры полуживую, насилиу откачали, и оказалось, что она напрочь забыла всю свою жизнь до пещеры. Даже словарный запас восстанавливается с трудом. И в такой трудный момент ее бросил самый близкий человек – муж!

– И начал расписывать, как они решили квартиру поделить, что, мол, он останется в квартире, а ей ее долю выплатят. Ведь она учительница, зарабатывает мало и не сможет ему его долю выплатить.

– Сволочь!

– Не то слово! Место, мол, ей в семейном общежитии он выхлопочет, и мебель она, какую захочет, может взять. Ты, мол, Ларис, может, уже забыла, но именно так решено.

Оксана зубами закричала от возмущения. Почему, встретив Стасика на крыльце, она не плюнула в его холеную физиономию?

– И что Лариса на это ответила? Надеюсь, она ему фигу показала?

Инна Викторовна громко высморкалась в салфетку.

– Фигу ему показала я. Уже после. А Лариса... Что – Лариса? Ты же видишь, в каком она состоянии. Мне кажется, у нее было одно желание – чтобы он поскорее ушел. Только кивала – соглашалась. Сказала, что будет ему очень благодарна, если он сам уладит все формальности. Что-то в этом роде. Представляешь?

– Во гад! – искренне поразились Оксана.

– Ну, ему это так просто с рук не сойдет, – с мнимым спокойствием возвестила Инна Викторовна. – Он так просто от больной жены не избавится. Я с ним судиться буду! Я его по судам затаскаю, юрист хренов! Это дело подсудное, и он у меня попляшет!

– Ой! – подскочила Оксана. – Я, Инна Викторовна, хочу с Ларочкой повидаться до уколов. А то ей как укол сделают, она тут же засыпает. Получается, что я зря ехала.

* * *

Лариса лежала с открытыми глазами и смотрела на штатив с прозрачными трубками системы. Она пыталась вспомнить, как называется смесь трубок и пузырьков, но у нее ничего не получалось. Знаки и звуки то съезжались вместе, то разбегались. Слово рассыпалось, не успев сложиться вместе. Когда Лариса вконец устала от усилий, дверь приоткрылась и в палату боком вошла девушка.

– Привет!

Лариса продублировала губами приветствие. Девушка улыбнулась. Лариса попыталась сделать то же в ответ. Она узнала пришедшую – они виделись вчера и позавчера.

– Ты меня помнишь?

– Да. Ты – Оксана. Моя подруга Оксана, – повторила Лариса, как заученный урок. Это и был урок, выученный в последние дни. Впрочем, Лариса охотно верила, что Оксана – ее подруга. Девушка была приятна ей. От нее шло тепло.

– Тебе еще не разрешают вставать?

– Нет. Это все из-за песка. У меня был песок в глазах, и... – Ларисе явно не хватало слов. Она понимала сама и жаждала объяснить подруге, что врачи излишне опекают ее. Но на пути попадались сложные слова, такие как «глазной хрусталик», «сетчатка», «мозжечок». Она путалась и умолкала.

– Не переживай, – остановила ее Оксана. – Если ты не возражаешь, я покажу тебе фотографии.

Лариса с интересом наблюдала за подругой. Та достала из сумочки пачку фотографий, под села поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.